

АНТОН

ЧИЖ

• смерть носит пурпур •

Родион Ванзаров

АНТОН ЧИЖ

Смерть носит пурпур

«ЭКСМО»

2014

Чиж А.

Смерть носит пурпур / А. Чиж — «Эксмо», 2014 — (Родион Ванзаров)

Алхимическая тайна производства золота всегда волновала умы человечества. Но что, если эту тайну можно раскрыть с помощью... томика стихов Пушкина? Чиновник особых поручений Родион Ванзаров и его верный помощник криминалист Аполлон Лебедев отправляются в Царское Село, чтобы спасти жизнь старому алхимику, владельцу этой, казалось бы, самой обыкновенной книги, но на их пути встают неожиданные препятствия...

© Чиж А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	15
6	18
7	20
8	21
9	25
10	28
11	31
12	37
13	40
14	43
15	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Антон Чиж

Смерть носит пурпур

*До глубин ночами и днями
Аметист светился и цвел
Многоцветными огоньками,
Точно роем веселых пчел.
Потому что свивал там кольца,
Вековой досытая сон,
Старше вод и светлее солнца,
Золоточешуйный дракон.*

Н. Гумилев. Поэма начала

© Чиж А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

Кусты торчали растопыренными пальцами. Земля отдавала холод зимы, майская трава сырела ночной росой, промозглой и жгучей. Ветер лез под воротник, скреб по спине ледяными коготками. До намеченной цели оставалось всего ничего. Цель виднелась одноэтажным строением, оторванным от застиранной простыни белой ночи линией крыши. Один короткий рывок, чтобы оказаться там.

Надо заставить себя сделать несколько шагов. Справиться с напавшей слабостью. Совсем немного, совсем чуть-чуть. Уже промерз до костей, уже рук не чувствуешь. Лежать глупо и бесполезно. Ждать опасно и невозможно. Грудь больная застыла, чего доброго, случайный прохожий вызовет полицию. Возвращаться поздно, слишком далеко зашел. Дашь сейчас слабину, всю жизнь жалеть будешь. Ни за что не простишь.

Так, кажется, просто: ночь. Дом на окраине. Соседей нет. Собаки нет. Печать, что на входной двери, пусть себе висит, не помеха. Окна ломать не требуется. Приметную раму надавить слегка, и, пожалуйста, путь открыт. Никто не узнает. Следов не останется. Чистая работа. Надо решаться наконец.

Слабость не отпускала. Пригнула, зажала камнем. Не скинуть, не отделаться от нее. Держала цепко и въедливо, точно силки. Не было от нее спасения, хоть плачь. И для слез не осталось сил. Порыв, который толкнул его в ночь, выгорел дотла. Ничего не осталось: ни злости, ни обиды. Пусто в душе. Пусто в сердце. Пусто в голове. И сам он как пустой мешок, из которого вытрясли пыль. Неужели все... Неужели убираться вот так – побитой собачонкой. Как жить с этим? Нет, жить с этим будет решительно невозможно... Да и незачем уже.

Последняя надежда: вспомнить еще раз. Все вспомнить.

Сначала вернулась обида. Обида отогнала холод, заставила сердце биться чаще. Обида напомнила, как с ним поступили. То, что случилось, было страшнее оскорбления. Оскорбление можно простить. С ним же обошлись как с тряпкой. Об него вытерли ноги. Показав, что он ровным счетом ничего не стоит. Все усилия, труды его, заботы, оказались не дороже мусора. Через них переступили и даже не заметили.

Дело, на которое он согласился ради будущего, в один миг обернулось дурацкой затеей. Куда гаже дурацкой затее: мелкой глупостью. А доведи он начатое до конца, чего доброго, все решат, что он опустился до пошлейшего поступка. Никто не поверит в истинные причины. Никому не объяснишь, ради чего он на самом деле пошел на это. Цена подвигу вышла ломаный грош.

Чего теперь стоят все его старания? Он ничего не требовал, отдавал себя самоотверженно, целиком и полностью. И вот получил благодарность. Оказалось, что его держали за Петрушку на веревочке, которого выбросили на помойку.

Что остается: покорно смириться? Нет, это уж слишком. Две жертвы от человека требовать невозможно. Такое никому не по силам. Он твердо решил, как поступить. Надо проникнуть в дом, разыскать то, что от него прятали, а это наверняка еще там, найти и взять себе. Как награду за все испытания. А после начать новую жизнь. Да, именно так: начать все заново.

А потом уехать как можно дальше, в Америку, и там начать сначала. У него хватит сил, чтобы построить жизнь заново. Простую жизнь без подвигов, рвения и идеалов. Сытую, тихую, довольную жизнь, о которой мечтают все. Вот теперь и возьмется. И совесть не будет мучить. Нет мук совести, как оказалось, а есть нерешительность и слабость. Потерянных лет не вернешь, а те, что остались, надо прожить без печали, без забот и мыслей. Мысли – зло. С него довольно.

Не боясь быть замеченным, он встал и пошел к дому, пересекая двор. Зайдя с заднего крыльца, вынул гнилую раму, не разбив стекла, опустил ее на землю, прислонив к стене, и

перемахнул в открывшийся проем. Темнота не станет помехой, по дому он мог передвигаться и с закрытыми глазами. Большой свет все равно зажигать нельзя. Окна задернуты, да мало ли кто заметит. Визиты любопытных ни к чему. А полиции и подавно.

Из кухни он прошел в гостиную. На мгновение показалось, что в доме еще кто-то есть. Непонятное движение в темноте или случайный шорох. Он прислушался. Подождя, так ничего и не услышав, решил, что сумерки играют с ним в жмурки: мерещится то, чего нет. Давление крови давит на барабанную перепонку. Из-за напряжения глазной сетчатки может тень показаться. В привидения он не верил.

Когда глаза привыкли к темноте, прояснилось малоприятное обстоятельство, которое он как-то упустил: неизвестно не только, где искать, но и что именно, тоже. Расположение вещей и мебели было настолько знакомо, не меняясь годами, что загадка казалась неразрешимой. Хоть перерывай дом вверх дном. Ничего другого не остается. Времени в обрез. Светать начнет часов в пять, до этого надо убраться и окно на место поставить.

На второй шанс и еще одну ночь рассчитывать нельзя. Даже если этот визит останется в тайне, ему не заставить себя прийти сюда еще раз. Как бы ни убеждал и ни раззадоривал. Это он знал наверняка. У него в распоряжении считанные часы, и потратить их надо так, чтобы потом не было мучительно обидно. Логичней всего было начать с рабочего кабинета. Вот и пригодился масляный фонарь, который захватил на всякий случай. Неровному огоньку хватало сил на желто-слепое пятно, которое заскользило по книжным полкам.

Без особой надежды он проверил щели между томами. Открывать книги не имело смысла. Здесь ничего не менялось. Коснувшись тиснения знакомых корешков, он отошел от стеллажей. Бесполезно тратить время. В книгах ничего нельзя спрятать.

Потайной фонарь он поставил на письменный стол, заваленный разнообразными предметами, все больше мусором и обломками, тщательно сохраняемыми по каким-то важным причинам.

Присев в ветхое кресло, тотчас вонзившее в тело пружину, он дернул верхний ящик. Раздался отчаянный визг. В недрах ящика царил хаос. Он стал разгребать залежи, сначала неторопливо, а потом все более и более увлекаясь, пока не стал кидать на пол целыми горстями. Шум его не тревожил, дом стоял на отшибе от ближайшего жилья, отгородившись парком и полями.

Очистив главный ящик, он принялся за тумбы. На каждой полке попадалось что угодно, только не то, что было нужно ему. Или хотя бы отдаленно походило на предмет, который он искал. Навалив на полу изрядную кучу, он пошарил внутри. Под рукой шуршало полированное дерево. Стол был выпотрошен подчистую.

Надо переходить дальше, множество других полок и ящиков ждали, чтобы их тоже очистили от хлама. Но он задержался. Показалось, что разгадка находится именно здесь и ни в каком другом месте. Разумных доводов для этого не было. И все же он был уверен, что искать надо только здесь. Еще раз и тщательно.

Не особо надеясь на успех, он просунул руку к нижней кромке столешницы. Ощувив шершавое дерево, ладонь вдруг наткнулась на что-то, выпирающее из стола. Вцепившись, он нащупал предмет прямоугольной формы, мягкий и гладкий, словно отделанный лучшей кожей. Неизвестную вещь прижимала скоба. Вынуть ее не составило труда.

Находкой оказалась небольшая книжица, изрядно потертая, с бронзовыми накладками на углах, какие были популярны лет тридцать назад для записи умных мыслей и прочей чепухи. Их носили на цепочке в жилетном кармашке. От цепочки осталось помятое ушко. Веских причин прятать эту книжечку быть не могло. Наверняка это то, что он искал.

У него в руках вожащенное сокровище. Вот теперь пора уходить. Ему захотелось еще немного растянуть удовольствие, что-то вроде маленькой мести: прямо за этим столом узнать тайну, что скрывали от него все эти годы.

– Вот, значит, как... – проговорил он вслух. – Недаром сказано: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Есть все-таки справедливость в этом мире. Хотя и бывает она прихотливой.

Пододвинув фонарь, он расстегнул застежку, державшую переплет.

Огонек вздрогнул и погас. Будто задул порыв ветра, взявшийся ниоткуда. Темнота обступила. Как это некстати! Спички остались где-то в гостиной; разжигая фонарь, он машинально отложил их в сторону. Можно обойтись и без света. К чему спешить. Теперь у него будет много времени, чтобы все изучить и понять.

Выбираясь из-за стола, он задел кучу, рассыпанную по полу. Хрустнуло стекло, звякнула жестянка. Размахнувшись, он со всей силой наподдал носком ботинка. Мусор фыркнул и расступился, треща и ломаясь под каблуками.

Выйдя из кабинета, он оглянулся напоследок, чтобы в памяти осталось место, с которым столько связано.

– Не моя вина... – сказал он. – Я сделал все, что мог... И не за что молить о прощении. Сгинь, старая жизнь, здравствуй, новая. Обещаю ни о чем не жалеть. Если и взгрустну, то ненадолго. От скуки... Прощайте...

И поклонился в пояс. Отдавая дань тому, что для него было дорого, крепясь изо всех сил, чтобы не пустить слезу и не поддаться слабости. Но кто бы это заметил, если кругом темнота.

Он позабыл, что темнота бывает коварна.

Никогда не знаешь, кто смотрит из темноты. Чей шорох и легкое движение промелькнут. Чья тень неожиданно-негаданно проскользнет и растворится снова.

Темнота прячет тех, кто ей служит. Бережет их до времени и дает свободу вершить все, чего они пожелают. Она смотрит на их шалости и улыбается без зла и сожаления. Темноте незнакомы чувства. Она умеет лишь ждать. Темнота не любит тех, кто ею пренебрегает. Того, кто забыл о страхе и об опасности. Этого она не прощает.

Он ничего не почувствовал...

– Не сомневайтесь: он ничего не почувствовал.

– Вот как? Интересно. Вы так полагаете?

– Нет, не полагаю. Я в этом уверен, коллега. Посмотрите-ка вот сюда...

2

Бургомистр Царского Села, почетный гражданин Иван Яковлевич Липин, назови его главой города, с негодованием отверг бы подобную честь. Какой из него глава, когда город подчиняется коменданту генерал-лейтенанту Штрандману. Комендант устанавливал порядки, а прочим полагалось безропотно подчиняться. Роптать в летней резиденции императора не полагалось. Тут ходили по струнке. Да и причин для ропота не наблюдалось. Город был редким исключением в империи, где большинство жителей были довольны жизнью. Половина из них была довольна по приказу. Тут размещались казармы отборных полков: гусарских, лейб-гвардии, артиллерийских и кирасирских. Занимали они треть площади и порядок держали у себя образцовый.

Так что заботам бургомистра оставалась всякая мелочь: улицы подмести, собак бродячих разогнать, вывески привести в надлежащий вид, фонари отремонтировать. Впрочем, скучным обывателям такой порядок нравился: строгость и дисциплина во всем. Полиции и заниматься было особо нечем. Кому захочется озорничать, когда каждый второй прохожий разгуливает с револьвером, а каждый третий – с пашкой.

Обратной стороной порядка был недостаток развлечений. Особенно для господ военных. Кроме офицерского клуба да полковых собраний, деться некуда. В столицу ехать далеко, да и требуется особое разрешение командования на отлучку. А пристойного публичного дома официально не имелось. Конечно, были известные квартирки с милыми бланкетками¹. Но любовь их была сродни подвигу: того и гляди, наткнешься на командира, которому тоже хочется тепла и ласки.

Без развлечений ротмистр лейб-гвардии 2-го Царскосельского стрелкового полка Алексей Еговицын чах и скучал. Его страстью была игра. Он любил ее искренно, не меньше бланкеток. Только вот карты не любили его. Он умудрялся проигрывать так часто и много, что полковые товарищи, заботясь о нем, сговорились и отказались садиться с ним за стол. Еговицын лишился последней отдушины. Он уже не помнил, когда последний раз брал в руки карты.

То, что случилось с ним в погожий день конца марта 1896 года, ничем иным, кроме как гипнозом или наваждением, объяснить нельзя. Когда ротмистр очнулся, было уже поздно. Еще три часа назад Еговицын был, в общем, счастливым и беззаботным офицером лейб-гвардии стрелкового полка, у которого все было как полагается, только вот жены не имелось. Большими талантами не блистал, обычный средний офицер, зато на хорошем счету у командиров, дружен с товарищами, в меру строг с подчиненными. Служить бы да не тужить.

Так ведь с какого-то рожна захотелось ему заглянуть в трактир на Фридентальском шоссе. Захотелось так, что сил нет. Офицерам лейб-гвардии посещать подобные заведения, мягко говоря, не рекомендовалось. С чего Еговицына потянуло в злачное место, он сам понять не мог. То ли погода подействовала, то ли невероятное стечение обстоятельств. Да теперь уже и неважно.

Он помнил, что выбрал стол как можно дальше от окон, чтобы форму случайно не заметили, заказал обед и собрался мило провести время. Суп был недурен для трактира, а холодная закуска так и шла под водку. Но тут откуда ни возьмись как раз после второй рюмки у стола завертелся приятный господин, да такой приятный, аж масляный. Говорил он с таким смешным польским акцентом и мило шутил. Как-то само собой вышло, что Еговицын пригласил его к столу и налил рюмку.

¹ Проститутка, имеющая регистрацию в полиции.

И вдруг приятный господин спрашивает: «А не волет, пан офицеж, так трохи, для души сыгжачь?» Пан офицер еле удержался, чтобы не расцеловать этого милого поляка. Он хотел, еще как хотел. Наудачу сразу нашлось еще два игрока, которые уселись рядом.

Дальнейшее Еговицын помнил смутно. Сначала он выигрывал немного, потом пошло по-крупному, что-то около трех тысяч. Сумма была столь оглушительна, а удача так благосклонна, что он принялся ставить, не помня себя. И не заметил, как начал проигрывать. Еговицын был уверен, что фарт вот-вот вернется, такой счастливый день. Ставки становились все крупнее, дошло до пяти тысяч, а он все не замечал, что проигрывается в пух. Наконец, ему предложили пойти ва-банк. Он поставил на все. Его карта была бита. Игроки из милых господ превратились в строгих кредиторов. А масленый господин подложил бумагу, перо и чернильницу.

– Знаю, що слово пана офицежа есть слово гонору, але за то, проше бардзо, подписачь векселью, проше пана... Як то на имья пана Мазурельского, то я таки естем...

Еговицын не уронил честь офицера скандалом, написал своей рукой все, что от него требовали, и заверил подписью. После чего пан Мазурельский со товарищи растворился, как сон. А в сознании ротмистра расцвела цифра, которую он проиграл. Была она столь невозможной, что и думать не хотелось. Еговицын, не глядя, расплатился за обед и вышел на свежий воздух.

То, что случилось, было полной катастрофой. Конечно, его обманули жулики и проходимцы, но от этого не легче. Вексель подписан его рукой, а карточные долги офицеру надо платить всегда. Иначе не быть в полку. Товарищи будут сочувствовать, поддерживать, но платить придется ему. В полицию обратиться невозможно. Для офицера это смертельный позор.

И застрелиться нельзя: такое пятно на полк, что имя его будут проклинать до скончания века. Остается найти деньги. Срок по уплате через три дня. Но где за такой срок найти двадцать тысяч?! Даже если продать небольшое имение, даже если залезть в долги под грабительские проценты, не набрать больше половины. Где взять остальное? Ответа на это не имелось ни в армейском уставе, ни в разгоряченной голове ротмистра.

Он подумал было бежать куда глаза глядят. Но куда сбежать офицеру лейб-гвардии? Да и что он умеет в жизни, кроме как тянуть армейскую лямку? Нет, об этом и думать нечего. Быть может, срочно жениться? Но где найдешь невесту с таким приданым? Опять же, если сегодня сделать предложение, еще непонятно кому, свадебные хлопоты затянутся месяца на два. А кредиторы ждать не будут.

Еговицын представил, как пан Мазурельский появится у сторожевой будки казармы, как будет кланяться и показывать вексель, и его прошиб ледяной пот. Лучше смерть, чем улыбочка пана Мазурельского на виду полковых товарищей.

Еговицын отдал себе приказ прекратить панику и думать. Это подействовало. Ротмистр действительно стал размышлять, предлагая и отменяя самые необычные варианты. Абсурдных и безумных нашлось сколько угодно. Вот только воспользоваться ими было нельзя.

Он полез в карман за папиросами и наткнулся на бумажный комок. Вытащив и развернув, Еговицын обнаружил измятую записку. И вспомнил, откуда она взялась.

Отмечая Рождество в доме старого приятеля, Еговицын разговорился и пожаловался на плачевное состояние финансов. Собеседник оказался доброжелательным. То ли в шутку, то ли в серьез он предложил: если возникнут денежные проблемы, обратиться к одному человеку. Только обязательно показать эту записку. Иначе тот и разговаривать не будет.

Про записку Еговицын и думать забыл. В сложившихся обстоятельствах она становилась призрачной, но все-таки надеждой. Он не стал углубляться в вопрос: каким образом все произойдет и как он расплатится с долгом. И что за это с него потребуют. В конце концов, не душу закладывает.

Еговицын твердо знал одно: другого выхода не осталось.

3

Просвещение подрастающего поколения дело трудное, но почетное. В этом деле учитель французского языка царскосельской Николаевской мужской гимназии господин Таккеля наконец снискал признание. В числе нескольких учителей он был зачислен инспектором гимназии, господином Фамилиантом, в наградной список, и зачисление поддержал сам директор Георгиевский. По окончании учебного года отличившимся светила похвальная грамота. Было это в начале апреля 1896 года.

А недели через две, в обычный и ничем не примечательный учебный день, Таккеля отпустил последний класс и прикинул планы на вечер. На этот счет у него имелось несколько идей, но какой из них отдать предпочтение, учитель не мог решить. Столь многообещающей была каждая из них.

В приятных мыслях он не заметил, как опустели коридоры. Пора было закрывать класс. Таккеля сдал ключ, попрощался со сторожем, который жил при гимназии, и вышел на свежий воздух, в котором уже явственно пахло весной. Таккеля вдохнул полной грудью и понял, как хорошо жить. Он сравнительно молод, у него отличные перспективы, чего доброго, дослужится до инспектора, мелкие неурядицы в семейной жизни счастливо одолел, а новых не предвидится.

Для начала он решил прогуляться по Набережной улице до Волконской, а там пройти вдоль Екатерининского парка. Он шел неторопливо, как полагается достойному члену общества и уважаемому учителю. С ним уже раскланивались горожане, особенно те, чьим детям не давался французский язык. На поклоны Таккеля отвечал сдержанно, чтобы не терять марку. Он был весь такой строгий и чистый, всегда в аккуратно выглаженном служебном сюртуке и шинели.

Таккеля все еще обдумывал возможности, одну приятнее другой, когда на его пути оказался какой-то прохожий, не желавший уступить дорогу. Учитель не желал неприятного инцидента в публичном месте и хотел мирно обойти невоспитанного субъекта. Но ему не уступили дорогу. Это было несносно.

– В чем дело? – строго поинтересовался он.

– Господин Таккеля, если не ошибаюсь?

Таккеля окинул взглядом субъекта, позволившего такую дерзость. Вид его был потерт, одежка поношена, а лицо погрызено оспинами. При этом глазки незнакомца бегали, а краешек рта слегка подергивался. Кем бы он ни был, общаться с подобными личностями учитель гимназии не станет.

– Что вам угодно?

Субъект оскалил гнилые и мелкие зубки.

– Это не мне угодно, а вам... – проговорил он, дыхнув прямо в лицо мерзким запахом гнилой капусты.

– Поди прочь, милейший. А не то крикну полицию...

Мерзкий человечек даже обрадовался.

– Полицию? Вот это да! А что, зовите... Мы им и расскажем кое-что любопытное...

Таккеля не сразу понял, о чем толкует этот тип. Трудно предположить, что прямо на улице среди бела дня вот так преподнесут историю, о которой он старался забыть и надеялся, что возврата к ней не будет никогда. Человек же откуда-то знал столь мелкие подробности, что оторопь брала.

– Так будем полицию звать?

Нельзя было поддаваться. Надо было прогнать его и идти своей дорогой. Но Таккеля не хватило духу.

– Что вам угодно? – опять спросил он. И в тот же миг понял, что из него теперь душу вынут. Так и случилось. Человек предъявил требования, исполнить которые было невозможно. При этом нарочно добавил, что, если нужная сумма не будет предоставлена в срок, все документы сразу попадут на стол директора гимназии. Со всеми вытекающими последствиями.

– У меня нет таких денег, – признался Теккеля.

– А уж это не моя печаль, – ответили ему. – Не будет денег, про гимназию можете забыть. Да и про Царское Село тоже. Жить вам тут будет затруднительно...

– Хорошо, я что-нибудь придумаю...

– Вот и чудесно! Только думать полагается до срока. После будет поздно...

Человек юркнул в сторону и пропал из виду. Как и не было вовсе. Таккеля еще подумал, что, может быть, это дурацкий розыгрыш. Но сам же и признал: для шуток тема совсем неподходящая. Знать эту историю не полагалось никому. Да и кому о таком расскажешь. То, что угрозу приведут в исполнение, он не сомневался. Подобные субъекты не знают ни жалости, ни сострадания. Вырвут из горла.

Таккеля прикинул, сколько сможет собрать до назначенного срока. В лучшем случае у него будет половина суммы. Где брать остальное? На что жить? Куда бежать? Ответить на эти вопросы учитель не мог. Вскоре он пришел к неизбежному выводу: спасти его может только чудо. Если знать, как к нему обратиться.

4

В иерархии Царского Села сразу после коменданта стояло царскосельское Дворцовое управление. Вся забота о статуях, беседках, парках, дворцах и тех, кто в них обитает и царствует, лежала на этих приятных господах. Служить в управлении было мечтой многих чиновников, но лишь избранным доставалось подобное счастье. Вместе с местом и не самым крупным жалованьем перед чиновником открывались такие перспективы личного обогащения, что жалованье можно было не платить вовсе. Любой подряд, который заключало управление, оплачивался всегда, и цена его не обсуждалась, потому что экономить на священной особе монарха никому бы в голову не взбрело. А проверять законность трат – тем более.

Чиновник Марков попал на службу года три назад и прекрасно освоился. В результате чего у него появился свой домик, милая супруга Лизочка, принесшая с собой неплохое приданое, и очаровательные детки. Марков по-своему был счастлив и не мечтал о большем. В конце апреля 1896 года он завтракал в обычное время и поглядывал в окно, за которым всюду бушевала весна.

Телосложение у него было крепкое, если не сказать мужицкое, а руки сильные. Этими руками он держал тонкую чашку с некоторой опаской. Лизочка завтракала напротив, тараторя без умолку. Марков не слушал, погрузившись в свои мысли, влезать в которые супруге не следовало. Да и никому не рекомендовалось.

У двери раздался звонок колокольчика. Для гостей было слишком рано. Наверное, принесли утреннюю почту. И точно: горничная внесла на подносе конверт грязно-желтого цвета. Почтового штемпеля на нем не было, зато четко выведенная надпись, почти печатными буквами, адресовала конверт «г-ну Маркову в собственные руки». От кого пришло послание, было не ясно.

Марков не стал пользоваться ножом, а надорвал край. Внутри лежало что-то твердое. Он только взглянул и сразу же сунул содержимое обратно. При этом следовало еще не подать вида, чтобы супруга ничего не заметила. Но она заметила.

– Что там? – спросила она.

– Ерунда, по службе, – ответил Марков, пряча конверт на коленях под скатертью. – Не дают покоя даже дома.

– Как ты много трудишься! – воскликнула Лизочка. – Что они себе думают! Нельзя столько работать, у тебя же семья и дети! А ты на службе пропадаешь все вечера, иногда и ночью держат. Это никуда не годится. Я понимаю, какая ответственность на тебе, но мы скучаем без тебя, нашего дорогого папочки... Ты и сегодня придешь поздно?

Он пробормотал что-то невнятное, ссылаясь на долг и службу, чмокнул жену в темечко и поскорее ушел в кабинет. Дверь осторожно закрыл на ключ. И только тогда, усевшись за стол, позволил себе взглянуть на фотографии.

Марков прекрасно знал, когда и где были сделаны эти снимки. Вот только не знал, что его снимали. Об этом ему забыли рассказать. И ведь место ему так рекомендовали. Редкое место для провинциального городка, прямо сказать. Без вывески, и не каждого туда пустят. Но если уж попал, любое желание, о каком и мечтать не смеешь, исполнится. А его желания касались столь деликатного предмета, что и говорить о них можно лишь намеками. А тут – пожалуйста: снято на фотографический аппарат. Что же это такое?

Пошарив внутри конверта, Марков нашел записку. В ней сообщалось, что эти снимки вместе с негативами можно выкупить без последствий для службы и семейного положения. Такой подход устраивал, за исключением одной мелочи: за веселые картинки просили такие деньги, каких у Маркова не было при всех его заработках. В примечании к письму указывалось, что, если к назначенному сроку сумма не будет предоставлена вся и целиком, снимки отпра-

вятся по начальству. На чем мечты о семейном счастье и благополучии можно забыть. Чиновнику Дворцового управления иметь тайные пороки дозволялось, только если дело касалось пьянства. За увлечения Маркова выгоняли без разговоров и будущей пенсии. Тут и сомнений быть не могло. Он понял, что деваться некуда. В полицию с такими картинками не пойдешь, чего доброго, сам окажешься за решеткой. А куда еще идти?

На этот счет появилась одна идея. И хоть была она несколько сумасшедшей, но в сложившихся обстоятельствах можно было попробовать. Ничего другого все равно не оставалось. Не продавать же дом!

Марков дал себе зарок: если обойдется и он получит помощь, со всем прежним завяжет раз и навсегда. И даже станет примерным семьянином. Как ни трудно и тяжело ему будет проводить вечера дома, а не на службе. Лишь бы все обошлось.

5

В раскрытое окно влетел май. Май играл занавесками, подмигивал солнечными бликами, шумел перестуком колес. Май принес аромат, в котором свежесть ветра мешалась с запахами хлебных лавок Апраксина двора, конским пометом и уличной пылью высохших луж.

Эдуард Дмитриевич вдохнул, поморщился и подумал, что с превеликим удовольствием приказал бы задраить окна и наглухо закрыть их шторами. Только будет еще хуже. Вместо наглых запахов весны придет духота и полное томление ума. А этого допускать нельзя. Управляющий Государственным банком империи должен сохранять ясный ум, несмотря ни на какую погоду.

Погоду тайный советник Плеске не любил в принципе, как источник постоянного беспорядка и изменений. Приемная его и кабинет располагались в здании банка, зажато между Екатерининским каналом и Садовой, самой шумной, торговой и крикливой магистралью Петербурга. В довершение несчастий окна выходили на эту суетливую улицу. Будь воля господина управляющего, он бы перегородил Садовую коваными цепями и расставил жандармов, чтобы никто не смел под окнами его банка, то есть Государственного банка, торговать пирожками, лаптями, медовухой, пряниками, дешевыми книжонками и еще невесть какой ерундой.

Тайный советник Плеске вообще любил порядок, а в предстоящие месяцы порядок был необходим, как никогда. Совсем скоро империи предстояло переходить на золотой рубль. Это означало, что на нем – ответственность чрезвычайная. Каждую минуту надо думать и анализировать поступающую информацию. А как тут анализировать, когда под окнами целый день вопят про «пирашки горяченьки!». В сейфах банка лежат литографические листы новых сто-рублевых купюр, которые впервые будут напечатаны разноцветными по новейшей орловской технологии, а с Садовой то и дело долетает: «Берем два за пятак, зажимаем в кулачок!» Невозможно заниматься делами государственного масштаба в непосредственной близости к народу. Деть бы его куда-нибудь подальше, этот народ.

Изредка, но регулярно Плеске удавалось присмирить Садовую. Раз в месяц чиновники разжигали огромную печь, что стояла во дворе банка, и закидывали в нее тюки ветхих денег. Печь чадила нещадно, на Садовую надвигалось черное вонючее облако денежных знаков. Лавки закрывались, лоточники разбегались, улица пустела, а управляющий торжествовал. Хотя от смрада страдал не меньше.

Сейчас Плеске вынужден был признать, что улица опять его победила: отвлекла от содержания разговора. Напротив него сидел опрятный молодой человек, одним видом выражавший полное уважение к начальству и глубокое желание быть полезным во всем. Спину он держал так прямо, чтобы не намять на чистеньком сюртуке складок, колени держал вместе и вообще примостился на краешке приемного кресла, точно птичка на жердочке, не посмеяв рассесться удобно. Молодой человек имел чин незначительный, зато большие перспективы по службе. За деловые качества он был замечен Плеске и приглашен в личные помощники. Дмитрий Чердынцев из всех сил старался оправдать высокое доверие. Он вовремя заметил, что патрон отвлекся и потерял нить разговора, как видно размышляя о проблемах государственного масштаба. Чердынцев в почтении перед величием проблем замолчал, ожидая, когда внимание начальства обратится к его скромной персоне.

– Итак, что там докладывают из нашей московской канцелярии? – наконец спросил Плеске, оторвавшись от окна.

Чердынцев обстоятельно и точно доложил, какие именно трудности беспокоят московские частные банки в связи с введением золотого рубля и чем они донимают чиновников Первопрестольной. Плеске еще раз отметил, как сжато и по существу делает доклад молодой человек. Никаких пустых слов и оборотов, которых Плеске терпеть не мог у подчиненных, все

разумно и строго. При этом не смеет выражать собственное мнение. Ценный сотрудник. Надо ему сделать протекцию.

Чердынцев закончил, ожидая дальнейших указаний.

– Какие меры, считаете, необходимо принять? – спросил Плеске, между тем разглядывая чисто выбритое, слегка худощавое лицо чиновника, в котором не нашлось ничего неприятного или резкого, а только ровное и обычное.

– Если позволите... – сказал Чердынцев с еле заметным, но явным поклоном. – Оные волнения среди частных банков происходят от недостаточности сведений. Меморандум, написанный от вашего имени, способен успокоить ситуацию.

– Что же, это неплохое решение. Подготовьте черновик, я доведу до блеска.

– Как прикажете, – ответил Чердынцев, не без приятного волнения сознавая, что, если напишет толково, Плеске всего-то подмахнет подпись. А уж он всячески постарается.

Доклад был исчерпан. Но Плеске не хотелось отпускать молодого человека на такой вот сухой официальной ноте. Надо показать ему расположение.

– Что говорят о нашей реформе? – спросил он, показывая, что официальная часть закончена и начинается если не дружеская, то, во всяком случае, вольная.

Чердынцев верно истолковал намек.

– У меня есть сведения, не совсем касающиеся реформы, скорее косвенные, но довольно необычные, – ответил он. – Хотя и не однозначные.

– Не смейте скрывать от меня ничего любопытного, господин Чердынцев.

Чиновник и не думал этого делать. Напротив, изложил так же просто, как и официальный доклад, новости, которые оказались действительно необычными. Плеске так сосредоточился на них, что даже забыл про надоедливый шум.

История, изложенная Чердынцевым, была насколько простой, настолько же и невероятной. Достойная бульварных газетенок или фантастических романов, какие печатались в приложении к журналу «Нива». Можно было подумать, что Чердынцев пытается разыграть начальника. Или проверить, насколько тот доверчив. Или того хуже – глуп. Поверит невероятному рассказу – и будет выглядеть полнейшим дураком, когда раскроется правда. Такого Плеске не исключил. Он привык оценивать все возможные варианты, и среди прочих – подобный.

Однако, взвесив все «за» и «против», он счел такое предположение невозможным. Юноша умный, в шутках не замечен, а тем более в развязном поведении. Не станет он рисковать всем, чтобы нести подобную чепуху на приеме у самого управляющего банком. Да и с чего бы вдруг такие фантазии! Рассказывает скупно и кратко, вовсе не как анекдот. Плеске знал наверняка, что любой чиновник, позволивший в его кабинете рассказать нечто подобное, должен быть пьян в стельку по меньшей мере, или не в себе, или от него ушла жена. Чердынцев же прост и бесхитроустен для дерзости. Тогда что же это такое?

– Откуда у вас такие сведения? – спросил Плеске, выслушав до конца.

– Сделал вывод из сопоставления двух источников.

– Каких именно?

– Первый: наш обычный канал получения сведений о перемещении ценностей.

– А второй?

– Непосредственно от участника событий, так сказать.

– Подобную информацию обычно берегут как зеницу ока. С чего вдруг такое доверие к вам?

– Могу предположить, что он не понимает всей ее важности, – ответил Чердынцев. – Слишком наивен и прямодушен, чтобы искать выгоду.

– Неужели в наше время остались люди, которые не ищут выгоду для себя, имея подобные возможности? Кто же этот непомерный и безгрешный талант?

Чердынцев кратко и метко обрисовал портрет.

– Учитель? – поразился Плеске так, будто ему сообщили об отмене реформы.

– Старый чудак. Добродушный и безвредный. Этаким доморощенный талант. Достопримечательность Царского Села. Впрочем, совершенно безобидный.

Плеске отвернулся к окну, чтобы взвесить шансы. Главный вопрос был не в том, сколько правды в этой истории. Главный вопрос в другом: насколько Чердынцев сам понимает и оценивает возможные последствия. Не столько для реформы, сколько вообще для империи. Можно сказать: и выше. Обладание подобной информацией было так же рискованно, как держать на ладони бомбу с зажженным фитилем. Узнав нечто подобное, любой чиновник обязан был немедленно сообщить в полицию, а лучше в Отделение по охране общественной безопасности и порядка, иначе говоря – в охранку. И пусть там решают, что делать. Чердынцев же доносить не спешит, а напротив, рассказывает как светский анекдот. Значит не понимает всех возможных последствий. При этом далеко не глуп. Выходит: хитрит. Или предлагает партию. В любом случае хорошо, что он пришел к начальнику, а не донес в полицию.

Что с этим делать, Плеске пока не знал, но выпускать из рук необыкновенный шанс было бы нелогично. Надо поступить тоньше: присматривать за ситуацией и принимать решения, смотря по тому, как она будет развиваться. Может, выйдет полный пшик, а может – невероятная удача. Остается одно неизвестное в этом уравнении: можно ли довериться Чердынцеву?

Еще раз взвесив последствия, какие он способен был разглядеть, Плеске принял решение.

– Какие у вас планы на ближайшие дни? – спросил он.

Чердынцев признался, что, кроме службы, планов не строил никаких. Разве в воскресенье навестить родителей, проживающих в Царском Селе.

– В таком случае ваши планы изменились, – сказал Плеске таким тоном, чтобы было ясно: шутки кончились, он намерен дать служебное поручение. Чердынцев понял и даже подтянулся. – Отправляйтесь в Царское Село, будьте там, сколько потребуется, выпишите себе командировочные дня пока на четыре. Сегодня государь отправился на коронацию в Москву, как вам известно, двор последовал за ним, там сейчас тихо и пустынно. О делах не беспокойтесь, на время вашего отсутствия найдется, кому передать.

– Слушаюсь, – сказал Чердынцев, ничуть не удивившись. – Только что прикажете делать столько дней в Царском Селе?

Плеске подумал, что или юноша слишком тонко играет, или недостаточно умен, или не успел до конца натянуть кожу чиновника. В любом случае он полностью управляет.

– Разузнайте все подробности о том... – Плеске запнулся, – ...о том, что вы мне сообщили. Необходимо убедиться лично. Увидеть своими глазами, а лучше привезти образец. Считайте это моим личным поручением. От его выполнения зависит ваша карьера. Докладывать как можно чаще. Лучше ежедневно. Не скупитесь отправлять письма нарочным, все будет возмещено. Внимательно наблюдайте за всем происходящим. Будет нужна подмога – шлите телеграммы, телефонируйте, в конце концов. Что-нибудь придумаем. И еще: о целях вашего визита не должен знать никто: ни ваши родители, ни ваша возлюбленная. А лучше всего, чтобы о вашей новости вообще никто не узнал. Я достаточно ясно выразился?

Чердынцев изо всех сил старался скрыть удивление, выглядеть холодным и спокойным, не замечая при этом, как кусает и стягивает губы.

– Можете на меня положиться, – только и сказал он. – Никаких затруднений не предвижу, я этого человека знаю насквозь. Думаю, потребуется не более двух суток.

– Вот и чудесно. – Плеске выразительно взглянул на часы. – Очень рассчитываю на ваш ум и умение анализировать.

– Когда прикажете отправляться? – спросил Чердынцев, резко встав.

– С ближайшим поездом, уходящим с Царскосельского вокзала столицы, – ответил Плеске. – Искренно желаю вам удачи, господин Чердынцев.

6

Присутственный день в сыскной полиции Петербурга близился к концу. Обгоняя стрелки часов, чиновники разошлись кто куда, но, разумеется, все отлучились исключительно по важным и срочным делам. Большинство столов пустовало. Только за одним, самым дальним, приткнувшимся в углу между стеной и окном, кто-то был. Случайному посетителю разглядеть чиновника было бы затруднительно. Газету он раскрыл так широко, словно отгородился ширмой. Однако посетителей не было вовсе. Наконец широкий лист был сложен пополам, довольно раздражительно и резко, затем еще раз, и вслед за тем газета отправилась прямымиком в мусорную корзину.

– Да что же это такое... – сказал чиновник и легонько стукнул кулаком по столу.

Стол издал сочный звук, отвечая на скрытую силу пальцев. А чиновник тяжело вздохнул и уставился в окно. Там виднелись дома Офицерской улицы, залитые солнцем и радующиеся наступившему маю. Выражение лица чиновника было далеко не радостным, а напротив – тоскливо-мрачным. Словно погода доставила ему одни неприятности. И это было отчасти справедливо.

Тот, кто прослужил в сыскной полиции достаточно долго, выучил нехитрое правило: количество преступлений в столице магическим образом связано с погодой и сезоном. Когда на улице осень и дождь, снег и холод, народ так и тянет на злодеяства. Стоит наступить майской погоде, как нравы сами собой смягчаются, преступления сходят на нет, и сыскной полиции остается только пребывать в блаженной лени. Об этом неписаном законе знали опытные чиновники сыска и ждали наступления мая, как праздника.

Опечаленный чиновник был еще молод и служил недолго, чтобы узнать эту служебную тайну, а потому страдал ужасно. Худшего испытания, чем безделье, для него нельзя было придумать. Сидеть на одном месте весь день, распивать чай, болтать с сослуживцами, гонять первых мух или просто глядеть в окно, то есть все самое приятное в службе чиновника, было для него невыносимым мучением. Порой он не отказывал себе в удовольствии поваляться на диване с томиком Плутарха. Но чтоб вот так, за весь день не отправиться на раскрытие нового дела, а все старые успешно завершить – это было ужасно. Оставалась, конечно, рутина, то есть заполнение дел и составление отчетов. Но бумажную волокиту Ванзаров страшно не любил и под любым предлогом спихивал на письмоводителя. Раскрытие преступлений привлекало его не столько службой за жалованье, сколько напряженным поединком ума, логики и психологии, в чем преступник должен быть достойным соперником. Порой ему выпадал счастливый случай насладиться борьбой интеллектов. Большинство же дел было примитивно, убого и очевидно сразу. Ванзаров считал их чем-то вроде ежедневной зарядки, в которой полезно упражняться, чтобы мозги не потеряли спортивную форму. Победы над неумными ворами и убийцами большой радости не приносили, но позволяли коротать время в ожидании настоящего преступления. Но чтобы чиновнику сыска было на чем тренироваться, кто-то же должен нарушать закон! А тут весь день ни единого вызова. До чего докатились!

Надо заметить, ничем другим, кроме как сыском, Ванзаров по-настоящему заниматься не любил. Хобби и развлечения не страдал, если не считать обильный обед развлечением, к театру был глубоко равнодушен, да и, по чести сказать, других дел, кроме службы, у него не водилось. Потому что ни одна женщина еще не сумела поймать его в семейную ловушку, хотя многие были не прочь закрутить роман со счастливым концом. В присутствии Ванзарова барышням стоило больших усилий выдержать его взгляд, в котором им мерещилась необъяснимая смесь безграничной доброты и отъявленного цинизма, что всегда вызывает интерес у барышень. Их привлекала скрытая сила и надежность, словно бы исходившая от этого молодого человека. Быть может, такое впечатление производили роскошные усы вороненого отлива

или так ладно и крепко скроенная фигура, что любой женщине хотелось немедленно опереться на нее и свить семейное гнездо.

Но даже эта фигура сгибалась под тяжестью ничегонеделания. За весь бесполезный день Ванзаров настолько истомился, что готов был отправиться хоть на пропажу простыней с чердака доходного дома. Лишь бы не сидеть сиднем на одном месте. Еще немного, и придется тащиться домой, не разрешив за день не то чтобы великой тайны, но даже не разгрызя пустячной загадки. Ужасное и безнадежное положение.

Часы пробили пять. Присутственные часы окончательно истекли. Вот так просто встать и уйти было выше его сил. Ванзаров упрямо сидел на месте, изучая соседние дома. Терпение было вознаграждено. В приемное отделение вбежал мальчишка-посыльный и во все горло гаркнул: «Ванзаров кто тут будет?» – хотя столпотворения не наблюдалось.

Ванзаров подозвал не слишком сообразительного юнца, вручил гривенник, пожелав попутного ветра, и раскрыл присланную записку. Стремительным, но четким подчерком, хорошо знакомым ему, сообщалось: «Ванзаров, бросайте все и немедленно приезжайте. Не пожалеете. Жду непременно...»

Адрес был указан неблизкий: на Петроградской стороне, что случилось, не объяснялось, к чему готовиться, неизвестно. Но каким же облегчением стала эта записка! Даже в самый трудный день Ванзаров немедленно отозвался бы на этот клич. А уж в такой – буквально полетел на крыльях.

7

В Царском Селе есть не только просторные парки, но и тихие местечки. Например, трактир на Фридентальском шоссе. Кухня здесь приличная, половые шустрые, в дальнем углу, куда не попадает свет из окон, имеется стол, за которым можно вести свой разговор. Небольшая компания ничем не примечательных господ как раз пила чай вдали от посторонних ушей. Настроение за столом царило не радостное.

– Цо то есть такэ? – говорил вполголоса один из них с сильным польским акцентом, волнуясь не на шутку. – Вшистко даремно! Така праца, алэ яки мами кошт? Ниц, проше пана! То есть вцалэм нэ можливе! Не хцалем тэго мувич, але пан Чех, треба яктош брачь тэго до гловы...

Господин, которого называли Чехом, был мрачнее тучи. Выслушивать подобные заявления он не привык. А если бы кто и рискнул, сразу схлопотал бы ножик под сердце. Тут разговор должен быть короткий.

Однако нервным выпадам пана Мазурельского он ничего не мог противопоставить. Чех и сам знал, что дела пошли вкривь да вкось. Хуже всего, что понять, откуда взялась напасть, не мог ни сам Чех, ни все его люди. Можно сказать, весь город обшарили, во все щели залезли, и – ничего! Встает какой-то гад им поперек дороги, и нет с ним сладу.

– Не волнуйся, Барон, – обратился он к пану Мазурельскому привычным образом. – Найдем мы этого хитреца и примерно накажем. Все же не в убытке...

Пан Мазурельский возмутился искренно.

– Як то мам розумечь? Пенёндзы – то не вшистко! Мам гонору!

– Это точно, гонору у тебя, Барон, много... – сказал сосед Чеха слева и тут же получил локтем в солнечное сплетение. Чтоб помнил: говорить за столом не всякому положено.

– Я вот что надумал, – сказал Чех, поигрывая чашкой. – Надо нам толковую голову найти. Таковую, чтобы за троих думать могла. Вот тогда этот ловкач нам попадется. А уж мы взыщем...

– Взыщем! – передразнил пан Мазурельский. – Что я в Варшаве миру расскажу? Как людям в глаза смотреть буду? Чтобы гастроли Барона так провалились? Позор, одним словом... Нигди тэго не запамьетам...

Чех и сам подумал, что не сможет «запамьетать». Чего доброго, такая слава пойдет, что и в петлю полезешь. Надо принимать срочные меры. Иначе не пан Мазурельский обидится, а мир воровской. Свои шутить не будут. Тут и умной головы не сносить...

8

У театра-сада «Аквариум», куда привезла пролетка, не было городских, не бегал взволнованный околоточный, не вышагивал мрачный пристав. То есть не наблюдалось обычных признаков совершенного преступления.

Вместо пристава напротив ажурной арки возвышалась фигура в идеально сшитом костюме, с брильянтовой заколкой в галстuke. Пройти мимо нее было невозможно. Господин поглядывал на спешащую публику свысока, поигрывая сигарой, зажатой в зубах, и одарял проходящих дам такой блистательной улыбкой, что те невольно оборачивались, хоть и держались за локоть своих спутников. Одна рука господина внушительно уперлась в бок, зато другая покорно держала потертый саквояж желтой кожи. Никто другой не смог бы привлечь к себе столько внимания, как господин Лебедев. Великий криминалист был в отличном расположении духа, цвел как майская яблоня и сверкал глазами, хотя откуда бы взяться в них блеску, не из хрусталя же они.

Заметив подъехавшую пролетку, он замахал так отчаянно, словно давал сигнал бедствия с тонущего парохода. Ванзаров не успел и рта раскрыть, как его довольно грубо схватили за локоть и потащили в сад.

– Потом, потом, все сами увидите! – отмахивался Лебедев от робких попыток узнать, что же случилось. – Чуть не опоздали!

Убийством или хотя бы завалящей кражей здесь и не пахло. Публика мирно и бойко рассаживалась за столиками, дамы смеялись, господа заказывали шампанское. Лебедев требовал терпения и послушания, иначе грозил обидеться смертельно. Оставалось сдаться на милость старшего друга. Ванзаров уселся на хлипкий стульчик, мало подходящий для чиновника полиции, и решил терпеть все, что бы ни было ему суждено. Видно, день такой. Пусть будет театр-варьете, если Лебедеву угодно. Все одно лучше, чем мучиться в сыскной.

– Коллега, друг мой, вы даже не представляете, какой сюрприз я вам приготовил, – сказал Лебедев, скроив столь загадочное выражение лица, что любая дама пришла бы в умиление. – Вы запомните этот день – 6 мая 1896 года – на всю жизнь. Внукам своим рассказывать будете, что присутствовали на историческом событии.

– Неужели? – только и сказал Ванзаров.

– Оставьте свой цинизм наивных барышень, кстати, смотрите-ка, какая хорошенькая вон там... Ну, да ладно... Вы даже представить не можете, какое чудо сейчас увидите. Тут даже вы не догадаетесь! И не говорите мне, что знаете, в чем дело.

Ванзаров покорно промолчал. Ему не хотелось разочаровывать друга, который был уверен, что устроил настоящий сюрприз. При всем своем неисчерпаемом аналитическом уме, в некоторых мелочах Лебедев был поразительно наивен. Например, он забыл, что Ванзаров имеет привычку каждое утро на службе читать все городские газеты. А в такой бездарный день перечитал аж по три раза, включая рекламные объявления.

– Терпите, непоседливый вы мой, скоро все случится! – пообещал Лебедев.

Пришлось терпеть. Ванзаров безропотно выслушал юмористические куплеты, от которых публика пришла в восторг. Он внимательно следил за дивертисментом и высоко вскинутыми ножками танцовщиц. И даже к первому акту оперетки «Альфред-паша в Париже» отнесся с философским спокойствием приговоренного к смертной казни: хуже уже не будет.

– Сейчас, сейчас, дождались! – пообещал Лебедев, несколько смущенный таким послушанием всегда нетерпеливого и энергичного коллеги.

Опустился разноцветный занавес. Служители сцены вынесли полотнище, оказавшееся белой простыней, и нацепили прямо на занавес. На авансцену вышел господин, затянутый во фрак до потери дыхания, представился импресарио месье Гюнсбуром и сообщил затихшей

публике, что прямо из Парижа в Петербург привезено новейшее чудо инженерной мысли, невероятный аттракцион, который он предлагает со всем почтением дамам и господам. В зале погас свет. Где-то позади заверещала трещотка, в простыню ударил белый луч, и вдруг вместо белого квадрата света появился живой садовник со шлангом. К шлангу подбежал мальчишка, наступил на него, поливальщик решил, что вода закончилась, и заглянул в шланг. Мальчишка убрал ногу, и струя воды ударила в лицо поливальщику. Самые чувствительные из дам разразились криками удивления. А Лебедев потирал руки, глядя на экран с детским восторгом. Новинка ему ужасно нравилась. Как и все следующие. И прибытие поезда к перрону Ля Сиоте, и выход рабочих с фабрики «Люмьер», и ребенок, вылезающий из коляски. Он был не одинок. Каждую новую сценку публика встречала овациями.

– Благодарю вас, я пойду, – сказал Ванзаров, когда представление окончилось, был объявлен антракт и снова зажегся свет. Наслаждаться вторым актом приключений Альфред-паши было чересчур даже сегодня.

– Понимаете ли вы, недовольный друг мой, что вы только что наблюдали? – патетически воскликнул Лебедев. – Какое счастье выпало на вашу скучную долю?!

– Понимаю, это синематограф. Новейший аттракцион господина Люмера.

– И не так кисло, как вы изволили сообщить, а с придыханием и восторгом надо произносить: си-не-ма-то-граф! Вот как. Величайшее изобретение этого года! Как и прочие открытия, что ведут нас вперед. Сколько случилось в этом году! Наш ученый-электрик Попов передал сигнал без проводов на двести пятьдесят метров! Физик Рентген открыл лучи, названные его именем, при помощи которых можно заглянуть внутрь живого человека, не разрезая его! И еще синематограф, который показывает жизнь, как она есть. Первый сеанс в России! А вы кислый, как протухшее яблоко...

– Этот день оставит в моем сердце неизгладимое впечатление.

Сигара, так и не раскуренная, что можно считать большой удачей, полетела в пол, пострадав безвинно.

– Скучный вы человек, Ванзаров, – с досадой сказал Лебедев. – Такой молодой, а уже скучный. Закрыли бы на засов свой аналитический ум и развлекались, как положено в ваши годы.

– Я бы развлекался, так ведь ничего не происходит, – ответил Ванзаров. – Весь день насмарку.

– А! Вот в чем дело... Воры и убийцы отправились на майские каникулы, а господину чиновнику сыскной полиции хоть в петлю лезь. Скучно ему, видите ли!

– Да, скучно. Ничего не происходит. Зачем ум, если его не к чему приложить... Пойду, наверное, спать лягу.

Ванзарова поймали за полу пиджака и усадили на место.

– Раз уж я доставил вам глубокое расстройство, придется загладить вину... – сказал Лебедев, доставая почтовый конверт, который он положил на стол и подвинул вперед. – Чудеса науки вас не развлекают, так хоть это, может, раззадорит.

Конверт был совершенно обыкновенным, с маркой, погашенной штемпелем с вчерашней датой. Письмо было отправлено из Царского Села. Послано на домашний адрес Лебедева. Ванзаров повертел конверт, разглядывая со всех сторон.

Ему предложили, не стесняясь, ознакомиться с содержанием. Внутри оказался листок, вырванный из ученической тетрадки в клетку. За исключением вежливых приветствий, письмо было кратким: «Хочу пригласить Вас, драгоценный Аполлон Григорьевич, познакомиться с результатами опытов, которыми исключительно занимался все последнее время. Настоящим ученым, как мы с Вами, непозволительны эмоции, но должен признаться: результат меня потряс. Непременно хочу узнать ваше мнение об этом. Приезжайте хотя бы завтра, у меня тра-

диционный майский сбор учеников. Уверен, это открытие может перевернуть известное нам общественное устройство. Это большая тайна, но от вас у меня тайн нет...»

– Что скажете, прозорливый вы мой? – Лебедев вызывающе подмигнул.

Ванзаров еще раз осмотрел конверт, наклоняя его к неверному театральному свету, и покрутил письмо, изучая обратную сторону листа.

– Угадаете, о чем речь?

– Угадывать не умею, – ответил Ванзаров. – Про адресата могу сказать следующее: учитель гимназии в отставке, был уволен года два назад, живет один, без семьи, имеется помощник из бывших учеников, чрезвычайно небрежен в быту, характер вспыльчивый, истеричный. Но в целом добродушный. Нуждается в деньгах.

Лебедев казался слегка озадаченным.

– Вы, что, Ивана Федоровича знаете?

– Не имею чести знать господина Федорова, в Царском Селе никогда не был, – ответил Ванзаров.

– Тогда откуда же...

Ванзаров указал на письмо.

– Все здесь... Почерк, как вы лучше меня знаете, говорит о человеке куда больше паспорта: очевидно, что господин Федоров пьющий. Что и стало причиной увольнения. Почерки на конверте и в письме – разные. Следовательно, конверт подписывал кто-то другой. Почерк еще юношеский, неиспорченный, аккуратный. Можно сделать вывод, что любимый ученик остался после выпуска с учителем в качестве бесплатного секретаря.

– Почему бесплатного?

– Конверт дорогой, а письмо на листке из тетрадки. Автор письма экономит на почтовой бумаге, а его помощник сам покупает конверт. На свои деньги. Занятия любительской наукой в домашних условиях часто заканчиваются разорением.

– А про характер его как узнали?

– Если человек фанатично занят наукой, при этом пьет, роняет на письмо слезы, высохший след отчетливо виден, комкает письмо, словно хочет выбросить, а потом разглаживает, при этом пальцы у него в остатках еды, а перо ломаное и кривое, то вывод напрашивается сам собой. Ни одна жена не позволила бы учителю, даже бывшему, так весело прожигать пенсию. Вы бы и сами все обнаружили, если бы относились к письму, как к улике. На личное послание криминалистический талант не расходуете...

Лебедеву очень не хотелось признавать очевидное. Но что поделать, если так поймали. Поставил ловушку и сам в нее угодил. Он нарочно небрежно затолкал листок в конверт и спрятал во внутренний карман.

– Может, и про таинственный опыт Федорова расскажете?

– А вы разве сами не знаете, Аполлон Григорьевич? – спросил Ванзаров.

– Нет, не знаю, – раздраженно ответил Лебедев. – А вы?

– Это же очевидно! Ваш знакомый поставил опыт... о котором я понятия не имею.

– Какое счастье. А то хоть уходи из криминалистики... – Лебедеву хотелось добавить крепко словцо, но он сдержался. Хоть и театр варьете, но все-таки храм искусства.

– А что этот господин Федоров... – начал Ванзаров, но его заглушили бравурные аккорды второго акта.

Нагнувшись через стол Лебедев поманил его к себе.

– У меня великолепное предложение: хотите развеяться? Поедем в Царское Село! Я приглашаю. В столице все равно мертвый сезон. Там улыбаются мещанки, когда уланы после пьянки садятся в крепкое седло... Поедем в Царское Село! В самом деле! Неужто не желаете узнать, что за тайну раскрыл мой старинный приятель?

Это было коварно и не совсем честно. Есть слова, которые не следует произносить при Ванзарове. Например: «тайна», «загадка», «секрет» и тому подобные. Как при старом полковом коне не стоит трубить в горн.

Прекрасно зная маленькую слабость друга, Лебедев поступил не совсем по-джентльменски. Но уж больно хотелось ему расшевелить скучающего коллегу, чтобы тот проснулся и встрепенулся. Результат не заставил себя ждать. Ванзаров хоть и колебался, но согласился. Ради такой удачи Лебедев готов был пожертвовать даже вторым актом приключений Альфред-паши.

9

Обыватели Царского Села наслаждались покоем, ведя размеренную жизнь провинциального городка, случайно оказавшего под боком у верховной власти. По главным улицам, расчерченным прямо в линейном порядке, как в столице, располагались аккуратные домики. Их окружили палисадники и заборчики, всегда подновленные. Внешний вид города не должен оскорблять высочайший вкус. Во всяком случае, там, где может проехать карета с высочайшей особой. На окраинах же, где располагались провиантские склады, было уже попроще. Сюда не навевались фрейлины и камергеры, а все больше купцы и подмастерья. Домишки вид имели не столь опрятный, простецкий и не такой уж блестящий, а скорее покосившийся, что привычно для провинции.

В одном из домишек рядом с интендантским складом и извозчиным двором с утра было неспокойно. Ради теплой погоды окна были распахнуты, и за ними часто ходила барышня в сером платье без украшений. Лицо ее было слегка вытянутым, но не настолько, чтобы назвать «лошадиным». Волосы имели неясную окраску, ближе к темному. Фигура казалась несколько высушенной. Или платье так неудачно подчеркивало худобу. Барышня никак не могла совладать с волнением и только добела сжимала длинные пальцы.

– Оленька, что ты так маешься? – говорила ей мать Лариса Алексеевна, с тревогой следя за мучениями дочери. – Попей чайку, все уладится.

– Ах, маменька, оставьте! Вы не понимаете, о чем говорите! – отвечала Оленька, резко и раздраженно. – Он приезжает. Что мне делать?

Старушка наполнила чашку старинного фарфора, оставшуюся от лучших времен.

– На-ка, выпей... Ну, может, как-то сладится.

– Что может сладиться?! – вскрикнула барышня и без сил опустилась на стул, у которого ножка была стянута бечевкой. – Это непременно катастрофа.

– Если любит, может, поймет...

– Что вы говорите! – Оленька совершенно не владела собой и голосом, срываясь на крик. – При чем тут любовь? Да, любовь, конечно, – это важно... Но мы четко условились... Тут такая важность, такие перспективы. Я обещала ему...

– Что же такого барышня может обещать? Ей обещают...

– Приданое, – ответила Оленька еле слышно...

Лариса Алексеевна даже руками всплеснула.

– Где же нам приданое взять? Ты же наши обстоятельства знаешь...

Оленька обстоятельства знала, но от этого было не легче. Ее отец, господин Нольде, занимался строительными подрядами, был состоятельным человеком. Но в один миг состояние рассеялось как дым. Он продал свое дело и заложил дом, чтобы купить акции золоторудной компании, обещавшей баснословные барыши. Когда акции были куплены, открылось, что нет не только золотых рудников, но и самой компании. Господина Нольде виртуозно обвели вокруг пальца. Не вынеся позора и разорения, он поступил малодушно: застрелился, оставив жену и малолетнюю дочь без средств к существованию. Лариса Алексеевна перебралась на окраину города и жила на те крохи, что остались от продажи имущества. Когда Оленька выросла, ей удалось пристроиться преподавать в женскую Мариинскую гимназию. Барышня Нольде была чрезвычайно строга с ученицами, за что получила прозвище Выдра. По чести сказать, ничего от выдры в ней не было. Даже очки, которые она носила глубоко на переносице, не делали ее строже. Но детям, как известно, виднее.

– Дела мне нет до ваших обстоятельств, – ответила барышня Нольде. – Знать ничего не хочу. Вам надо было папеньку за руку держать. Он накуролесил, а я расплачиваться должна.

– Не говори так, грех это... – сказала Лариса Алексеевна, быстро крестясь.

– Грех? – Нольде вскочила и чуть было не швырнула в мать попавшую под руку шка-
тулку. – Нет никакого греха! Все это бредни, которыми нас пичкают с самого детства.

– Чем же я могу, дорогая...

Нольде перебила мать:

– Мне нужны деньги. Деньги и только деньги. Чтобы вырваться из этой проклятой жизни,
из этого вашего проклятого дома, который я ненавижу всей душой вместе с вами.

Лариса Алексеевна вздрогнула, сжалась, но перечить не посмела.

– Ну, возьми мое кольцо... – сказала она. – Это последнее, что у меня осталось от... от
твоего отца.

– Много ли выручишь за эту безделушку?

– Зачем ты так, Оленька, камень крупный. В Петербурге поторговаться, так тысячи две,
а то и три могут дать.

Дочь только отмахнулась.

– Не смешите меня! Пятсот рублей красная цена, да и то в базарный день...

– Сколько же тебе надо, Оленька?

Барышня повернулась к Ларисе Алексеевне.

– Десять тысяч, – сказала она с усмешкой.

У старушки едва не подкосились ноги, она ухватила за край стола, цепляясь за скатерть,
съезжающие чашки звякнули о вазочку варенья.

– Что... Да как же... – только и смогла выдохнуть она.

– Да, десять тысяч, – повторила Нольде не без удовольствия. – Всего лишь малая честь
того, чего лишил меня папенька. Раньше бы и думать было смешно о такой сумме, а теперь
вы чуть в обморок не грохнулись. Но это все пустые слова, деньги мне нужны в ближайшее
время...

– Где же их взять, миленькая, нам и продать-то нечего... И кольцо тебе не подходит...

Вопрос «где взять» мучил барышню Нольде раскаленным гвоздем, какой средневековые
палачи любили загонять под ногти несчастным еретикам. Судьба дарила ей такой шанс, кото-
рый нельзя упустить. Если им не воспользоваться, на жизни можно ставить жирный крест.
Красотой, которая способна затмить отсутствие приданого, она не блистала. Богатых или вли-

ятельных родственников не было. Верные друзья отца давно забыли про них с матерью. Надеяться приходилось только на себя.

Замужество, которое невероятным образом плыло в руки, было первой и последней попыткой вырваться из этой мерзкой, серой, гадкой жизни, спастись от глупых учениц, которые ее не любят и дразнят за спиной, от гимназии, в которую она каждый день шла, точно на каторгу. Ей хотелось обычной простой и легкой жизни замужней дамы. Жить в столице, съездить в Париж или на воды, завести детей, быть может, потом, но не сразу. Ничего несбыточного и невероятного. Все это будущий муж мог ей дать. Если не сразу, то уж лет через пять наверняка. Он сказал, что Нольде понравилась ему характером. Но условием у него было приданое, которое он намеревался пустить на устройство квартиры в Петербурге и ускорение своей карьеры. Нольде, не раздумывая, ответила, что приданое скоро будет, и дала слово, что это случится не позднее июля. И вот теперь оказывается, он хочет получить однозначный ответ. А ей и сказать нечего. Что делать, решительно непонятно.

– Потерпи, доченька, может, все уладится... – сказала Лариса Алексеевна, надеясь, что хоть в такой момент слезинка выскочит. Однако слезы не спешили.

– Нет, не уладится, – отрезала Нольде. – Причитаниями счастья не выковать...

Она стала собираться, что для нее, не в пример избалованным барышням, было нетрудно. Из шкафа достала единственную шаль, накинула на плечи, а на голову пристроила строгую шляпку-пирожок, которую только и позволялось носить младшим учительницам гимназии.

Зная характер дочери, Лариса Алексеевна встревожилась не на шутку.

– Куда ты, милая? В гимназию вроде рано...

– Пойду добывать приданое, – ответила ей дочь, заглядывая в треснутое зеркало. – Может, найдутся хорошие люди.

– Да кто же... Такая сумма... Как же возможно... Уж не надумала ли...

– Не говорите глупости, мама. Если бы любовницам платили такие деньги, я бы не мучилась в гимназии. Пусть это вас не беспокоит.

Лариса Алексеевна только зажала рот ладошкой.

– Тут нужен дерзкий и смелый поступок, один на всю жизнь... – сказала Нольде. – Я теперь явственно поняла: на все пойду, лишь бы отсюда вырваться. И вас больше не видеть... Так что пожелайте мне удачи или помолитесь, не знаю, что уж вам легче... Прощайте, вернусь поздно, к ужину не ждите...

Дверь хлопнула. Лариса Алексеевна зажмурилась так, что глазам стало больно. Она знала, что бесконечно виновата перед дочерью, но расплата становилась какой-то уж совсем невыносимой. Оленька так сильно переменилась. Если не сказать: страшно переменилась. Лариса Алексеевна перестала узнавать дочь.

10

Ехать в первом классе даже дачного поезда Ванзаров отказался. Из принципа, который гласил, что чиновник полиции не имеет права транжирить государственные деньги на личные удобства. Лебедев предлагал оплатить, но получил решительный отказ. С юношеским максимализмом бороться бесполезно, пока он не превратится в зрелый цинизм. Аполлон Григорьевич сдался, залез в вагон второго класса и безглаголиво поморщился.

Было от чего возмутиться тонкому вкусу любителя актрис и хорошего коньяка. Народ, разместившись по лавкам, уже аппетитно закусывал. В воздухе густо пахло вареными яйцами, зеленым луком и холодной говядиной. Все это вперемешку с прелыми сапогами и не всегда чистой одеждой. Великого криминалиста беззастенчиво толкнули в бок, не извинились, резво потеснили на лавке, да вдобавок прошлись по начищенным ботинкам. Этого Лебедев спустить не мог. Не говоря худого слова, он вытащил свою сигарку, от запаха которой вздрагивал не только весь Департамент полиции, но и здоровые городовые, раскурил, с удовольствием затянулся и выпустил облако дыма.

Заплакали грудные дети. Матери бросились вон, спасая их от надвигавшейся беды. Пьяные протрезвели. Игроки свернули карты. Дорожные полднишки попрятались в корзины. В вагоне наступила звенящая тишина, нарушаемая пыхтением паровоза и Лебедева, который затягивался нещадно, пуская в потолок облака не хуже паровозных. Не прошло и минуты, как в вагоне стало просторно. Остались только самые стойкие или защищенные насморком. Остальные предпочли перрон и свежий воздух. Лебедев помахал им, когда состав тронулся. И в довершение триумфа выбросил в окно страшную сигарку. Дымящей стрелой она упала на перрон. Мирные обыватели шарахнулись от нее, как от ядовитой змеи.

До Царского Села поезд шел без остановок, то есть всего один перегон. Залетевший ветер очистил вагон от табачного смрада. Ванзаров же проявил чудеса терпения, старательно делая вид, что совершенно безразличен к страданиям несчастных пассажиров.

– Вам, Аполлон Григорьевич, все же надо почаще общаться с людьми, а не только с трупами, – наконец сказал он.

– А что случилось? – с невиннейшим видом полюбопытствовал Лебедев.

– Простые люди имеют свойство раздражать своими привычками, запахами и даже невоспитанностью. За это на них нельзя сердиться. Как мне кажется.

– Это что же, демократом решили заделаться, коллега? Хотите поговорить о страданиях народа?

Разговор становился опасным. При всей широте взглядов Лебедев мог обидеться в один миг как ребенок, надуться и не разговаривать. А чего доброго, и вовсе разорвать отношения. В голосе его уже зазвучали тревожные нотки. Ванзаров поспешил сменить тему.

– А что это за майские встречи у вашего приятеля? – спросил он.

Напряженная маска смягчилась, Лебедев улыбнулся.

– Да это одно название. Иван Федорович искренно считает, что все выпускники Николаевской царскосельской гимназии, которой он отдал всю свою жизнь, братья и составляют единое сообщество единомышленников. В центре этого сообщества, конечно же, он – всеми любимый учитель и наставник. Раз в год, весной, он созывает любимых питомцев, чтобы каждый мог рассказать, как далеко продвинулся в успехах общественного служения. Бедный Иван Федорович искренно убежден, что все его ученики спят и видят, как бы послужить обществу. А все потому, что именно он заронил в них искру добра, справедливости и прогресса.

– Заблуждение наивное, а потому опасное, – сказал Ванзаров. – Полагаю, что птенцы гнезда господина Федорова пренебрегают его весенним зовом.

– Тут логика не нужна, чтобы догадаться. Какой интерес весь вечер торчать в душном старом домишке, слушать бредни старого чудака о том, какие гениальные открытия он совершил, да еще ни поест, ни выпить.

– Потчует гостей самым сытным из блюд: умной беседой?

– Почти. Из напитков Федоров предлагает гостям воду, а из закусок, сами понимаете, что под руку попадется. В такой светской обстановке от гостей еще требуют публичные исповеди на заданную тему.

– Спасибо, что предупредили.

– Ну, к вам-то Иван Федорович приставать не станет, вы для него чужак, посторонний, которому оказана высокая честь быть допущенным в кружок избранных. Тем более вы не оканчивали его гимназию.

– Вообще-то я имел в виду водку без закусок, – сказал Ванзаров. – Но и на этом спасибо. Значит, зрелище будет печальным. Одинокий старик, который ждет, когда же откроется дверь и на пороге появятся его выкормыши, то есть птенцы. А они все не идут и не летят. И только верный помощник рядом. Кстати, что за личность?

Лебедев поморщился.

– В позапрошлом году, когда последний раз заезжал к Федорову на майские, сновал там какой-то перезрелый юноша. Толком и не вспомню. А что вас интересует?

Ванзаров не считал нужным замечать вопрос. Иногда он поступал так по каким-то своим особым причинам.

– За какие заслуги вас приглашают в мир избранных?

– Федоров испытывает ко мне глубокое уважение, как к ученому, – не без гордости заметил великий криминалист. – Хоть кто-то, да ценит старика Лебедева, которому уготована не менее печальная и одинокая старость: быть забытым друзьями и коллегами, когда он уже не сможет распутывать следы и открывать улики. Буду я сидеть в каморке одинокий, больной, облезлый, точь-в-точь, как Иван Федорович.

– Еще немного, и зарыдает весь вагон, – сказал Ванзаров. – Вашу сигарку они пережили, но эта мелодрама добьет их окончательно. Опасаюсь жертв среди мирного населения. Кстати, когда будете старым и облезлым, не надейтесь, что я буду захаживать к вам на водку. Была охота напиваться без закуски.

– Да ну вас. – Аполлон Григорьевич махнул с досады и, кажется, настоящего огорчения. Воображение его разыгралось, и он невольно представил себя таким вот несчастным стариком. Заметив нездоровую перемену в настроении друга, Ванзаров применил бодрящее средство.

– Все хотел спросить: а каков круг научных интересов господина Федорова?

Лебедев сморщил губы и сделал задумчивую гримаску, отчего усы встали торчком.

– Да как вам сказать...

– Скажите как есть. Что-то необычное?

– Скорее не совсем в русле традиционной науки, – сказал Лебедев. – Насколько я помню, Иван Федорович поначалу увлекался теорией прозрачного металла. В целом идея здравая, применение можно найти где угодно. Но вот с результатом оказалось неважно. Затем он принялся за разыскания сплава, который при резком изменении температур возвращался бы в заданную форму. Представьте: исследователь Северного полюса вытаскивает на морозе палку, а она вмиг раскрывается палаткой.

– С этим гениальным изобретением дело тоже не продвинулось.

Аполлон Григорьевич был вынужден согласиться.

– Последнее, что он мне рассказывал, тоже выглядело необычной идеей. Представьте, ему вздумалось изобрести металлический состав настолько прочный, что при толщине в бумажный лист он мог бы остановить пулю. Талантливо, не находите?

– Идеи оригинальны, – согласился Ванзаров. – Интересно знать, что же он за последнее время изобрел такого, что перевернет нашу с вами жизнь. Неужели металл, которым можно закусывать?

– Потерпите, скоро узнаете, – ответил Лебедев. – Вон уже вокзал Царскосельский с башенками. Только прежде, чем мы вступим в священное жилище Ивана Федоровича, ответьте честно: с чего вдруг вы решили поехать? Это на вас совершенно не похоже. Вот так взять и сорваться с места. Так в чем причина? В скуку не поверю, даже не старайтесь.

Обманывать друга или предложить ему полуправду было выше сил Ванзарова. А говорить правду решительно не хотелось. Тем более что за правдой скрывались одни только подозрения и настолько шаткие выводы, что касаться их раньше времени не стоило. Не мог Ванзаров признаться в том, что его посетило странное предчувствие, что-то вроде зова интуиции, который он беспощадно отгонял от себя всегда. Предчувствие было настолько же недобрым, насколько расплывчатым. Логика не оставила бы от него мокрого места и была бы права. Разве такое объяснишь даже гениальному криминалисту? Тем более что его наука сейчас совершенно бесполезна.

– Любопытство – недуг страшнее пьянства, – ответил Ванзаров. – Чувствую, оно же меня и погубит... Ну, вот и приехали. Нижайше прошу избавить Царское Село от ваших сигарок. Тут парки и статуи, они перед вами ни в чем не провинились.

Лебедев обещал им свою благосклонность.

11

На привокзальной площади оказалось, что точный адрес совершенно выветрился из памяти Лебедева. Он помнил, что надо ехать через весь город, но вот куда именно? То ли в конец Красносельской дороги, то ли Баболовской, то ли Петергофской. Аполлон Григорьевич уже покраснел от стыда и натуги и отчаянно ругал извозчика, обвиняя его в незнании самых важных адресов города, и все махал рукой, указывая общее направление: «Туда же, говорю!» – которого вполне должно быть достаточно. Извозчик уже не рад был, что связался с этими приличного вида господами. Он робко пытался навести на какие-то приметные детали. Лебедев возмущенно заявил, что деталей сколько угодно: справа лес, слева – поле. Что еще надо?

– Так это, видать, за Учебным полем будет, – сказал извозчик, почесывая фуражку.

– Конечно, Учебное! – бурно согласился Лебедев. – Я же сразу так и говорил: поле или полигон. Что тут непонятно?

– А дом чей прикажете?

– Господин аФедорова! Известнейший человек вашего города! Бывший учитель мужской гимназии! Каждая собака его знает!

Похоже, извозчик не был знаком ни с одной из собак, лично знавших Федорова. В трудный момент географических изысканий Ванзаров предпочел держаться в сторонке. Лебедев кипятился не на шутку. Он заявил, что извозчик Царского Села – это лицо города и лицо это не может быть столь необразованным. В городишке домов – раз-два и обчелся. Наизусть знать надо каждый. Включая фамилию владельца. Извозчик, окончательно сбитый с толку, робко спросил: может, на доме какая приметная деталь имеется?

– Конечно, имеется! – вскричал Лебедев. – У него две трубы. Одна печная, а другая лабораторная.

– Так это ж дом-с-трубой! Так бы и сказали. – Извозчик облегченно фыркнул, не хуже коня. – Это ж в конец Гатчинской дороги надо.

– А я что говорил! – заявил Аполлон Григорьевич радостно. – Ничего не знают, а в извозчики лезут.

– Два двугривенных стоит.

– Грабеж, честное слово! – сказал Лебедев и полез в пролетку. – А вы чего, коллега, ждете? Может, вам особое приглашение подать?

– Наслаждаюсь вашим общением с народом, – ответил Ванзаров, устраиваясь рядом. – С актрисами и трупами у вас выходит куда веселей.

Лебедев сделал вид, что не расслышал, упорно молчал всю дорогу и только обнимал походный чемоданчик, пока пролетка не остановилась у покосившегося заборчика. Дом учителя в отставке казался таким старым и ветхим, что жить в нем мог только увлеченный наукой человек, которому дела нет до бытовых мелочей. Краска давно облезла, крыша нависала так подозрительно, словно намеревались съехать на голову гостям, а во дворе царила никем не сдерживаемая свалка. Покосившиеся окна были распахнуты во всю ширь, но комнаты скрывали от любопытных глаз ярко-бурые шторы. Сквозь них пробивался свет и неразличимые звуки.

Взбежав по ступенькам крылечка, Лебедев со всей силы дернул шнурок колокольчика. Дверь распахнулась, как будто хозяин ждал поблизости. На пороге показался господин, ростом не уступавший Лебедеву, в домашнем халате, заношенном до дыр. Щеки его цвели раскаленным цветком. Гребенка давно не касалась волос, а в глазах стояли слезы, из-за чего он шурился. Можно было не сомневаться, кто предстал во всей красе.

Федоров вскинул руку, точно памятник римскому императору, и громогласно выразил переполнявшую его радость.

– Господин Лебедев! – вскричал он. – Сегодня лучший день в моей жизни. Вы тоже приехали! И сына захватили! Я так рад, так счастлив!

Аромат, источаемый хозяином вечеринки, указывал, что градус радости поднят значительно. Федоров схватил дорого гостя в объятия и принялся тискать и мотать из стороны в сторону, как куклу. Что удалось бы далеко не всякому.

Аполлон Григорьевич вырвался с некоторым усилием и несколько придушенным. Оправив пиджак и сбившийся галстук, он представил Ванзарова близким другом и коллегой. Что для первого впечатления было достаточно.

Иван Федорович схватил Ванзарова за обе руки, словно собирался вальсировать, сжал их мертвой хваткой и заглянул в глаза, как настоящий педагог: проникновенно и глубоко. Словно хотел проникнуть в бездонные пропасти его души. Такой фамильярности Ванзаров не выносил, но взгляда не отвел, только с некоторым усилием выдернул кисти рук. Силищей учитель обладал невероятной.

– Служите, юноша? – со слезой в голосе спросил Федоров.

– Служу, – признался Ванзаров.

– Служите честно! России нужны бескорыстные и честные сыны.

Возразить было нечего. Ванзаров только вежливо поклонился.

– Где получали образование? – строго спросили у него.

– Петербургский университет, классическое отделение, занимался Сократом. Пока не надоело.

– Похвально, юноша! – Федоров вытер хлюпавший нос рукавом. – Хоть любое образование без основ, что закладывает наша Николаевская гимназия, пустая трата времени. Жалко, из вас мог бы получиться неплохой гимназист.

– В следующий раз – обязательно, – сказал Ванзаров.

Иван Федорович хлопнул себя по лбу, словно мысли вот-вот могли вырваться наружу.

– Так что же мы стоим! Милости прошу, друзья мои!

В гостиной старого дома было тесно и душно. В каждом углу, где можно было пристроиться, кто-то стоял или сидел. Вошедших встретило дружное молчание, в котором ощущался напряженный интерес, далеко не дружелюбный. На лицах не мелькнуло приветливой улыбки, никто не кивнул и даже не изменил позы. Как будто незваные гости посмели нарушить тихое

семейное торжество и лучше бы им поскорее уйти восвояси. Нечего посторонним тут делать, и совать нос в чужие дела не следует. Напряжение было ощутимо почти физически.

Федоров ничего не замечал. Обняв за плечо Лебедева, чего не рискнул бы и Директор департамента полиции, он представил своего старинного друга и великого ученого, мнением которого дорожил больше всего на свете. Последовал такой поток комплиментов разуму и учености, что Аполлон Григорьевич откровенно смутился и нервно жал ручку чемоданчика. Из славословий выходило, что в российской науке нет больших светил, чем Федоров и Лебедев, и светят они, точно две звезды. Вот только в какой именно науке сияет их свет, не уточнилось.

Когда же настал черед Ванзарова, про него было сказано, что этот талантливый юноша, ассистент великого Лебедева, подает некоторые надежды, но чего ждать от человека, не закончившего Николаевскую гимназию!.. Ванзаров не стал спорить, а только поклонился всем сразу.

Между тем Иван Федорович метнулся к столу, на котором возвышался графин среди объедков, и одним махом осушил приличную рюмку. Отерев губы, он заявил, что обязан представить своему другу своих любимых учеников.

– С гордостью хочу познакомить вас, Аполлон Григорьевич, с лучшими людьми, которых воспитала наша гимназия и ваш покорный слуга. Они – соль земли! Они – светлое будущее России, ее хребет и опора! Помяните мое слово – скоро их имена прогремят на всю Европу, на весь мир!

Судя по немой мольбе во взгляде, великий криминалист и сам был не рад, что принял приглашение. Давно не приходилось ему краснеть от такого безысходного стыда. Ванзаров остался глух и равнодушен. Он не скупал. Происходящее сильно занимало его.

С не меньшим жаром Федоров начал церемонию знакомства. Первым под руку попался господин Марков, несколько упитанный господин, который был представлен чиновником Царскосельского дворцового управления с «редким умом с нечеловеческой проницательностью». Марков вяло кивнул и отвернулся. За ним последовал «милейший и остроумный» Павел Спериндиевич Таккеля, который уже принял учительскую вахту и ныне преподает в гимназии французский язык. Рядом с ним оказался армейский ротмистр, которого Федоров рекомендовал «своим дорогим учеником, дельным и решительным» господином Еговицыным, заявив, что он еще всей армией покомандует.

– А теперь хочу познакомить вас с нашей обворожительной дамой, Оленькой Нольде! – сказал Федоров, подталкивая Лебедева к барышне, забившейся в угол. – И хоть она нашу гимназию не заканчивала, по понятным причинам, но по заслугам причислена к нашему кружку. Уже преподает в женской Мариинской гимназии. А это, доложу я вам, ой как не мало!

Нольде руки для поцелуя не протянула, а блеснула стеклами очков несколько вызывающе. На этом Федоров истощился и уже посматривал на стол.

– Что же не со всеми познакомили? – спросил Лебедев, указывая на человека неопределенного возраста, державшегося за дверным проемом. Ему можно было дать и сорок и двадцать. Нечто среднее между постаревшим мальчиком и моложавым старцем.

– Это помощник мой, Сережа Нарышкин, вы с ним в прошлый раз знакомились, – нетерпеливо сказал Федоров. Ему срочно требовалось возместить потраченное красноречие. Что он проделал с помощью графинчика и рюмки. Обретя нужное равновесие, Иван Федорович занял главенствующее место в гостиной.

– Итак, друзья мои и любимые ученики! – провозгласил он. – Прошу считать наш традиционный сбор открытым! Вслед за поэтом хочу повторить: все те же мы, нам целый мир чужбина, отечество нам – Николаевская гимназия! Ура! Виват! Салют!

Раздалось нестройное мычание дорогих учеников. Такие пустяки Федорова не смущали. Он продолжил патетическую речь:

– Вы собрались к своему любимому учителю, чтобы я поделился с вами плодами своих последних открытий и чтобы мы вместе...

Напряженное внимание, с которым гости начали слушать, оборвал дверной звонок. Федоров бросился столько резво, будто не был уверен в твердости ног.

Постепенно отступив за спину Ванзарова, на которого никто не обращал внимания, Лебедев дыхнул ему в самое ухо.

– Великодушно прошу простить... – еле слышно сказал он, хотя секретничать не имело смысла: в гостиной по-прежнему играли в молчанку, но из прихожей доносились возгласы восторга. – Эту комедию в «Аквариуме» надо показывать. И я, дурак, вас втянул. Готов искупить кровью. Или коньяком, как прикажете...

– Напротив, я вам благодарен, – ответил Ванзаров, почти не разжимая губ. – Чем дальше, тем становится интересней.

Аполлон Григорьевич не мог понять, что может быть интересного в омерзительной вечеринке, но на душе у него стало немного легче. Он даже стал подумывать о сигарке, чтобы успокоить нервы. Но тут как раз появился Федоров с очередным гостем. От избытка учительской любви он прижимал невысокого молодого человека так крепко, что тому пришлось морщиться, хоть и улыбаясь.

– Друзья, мои! Смотрите, кого я к вам привел! – взревел Иван Федорович. – Узнаете ли вы его? Да, это он! Наш обожаемый, наш чудесный, наш любимый Дмитрий Чердынцев!

– Иван Федорович, у меня кончается воздух, – просипел обожаемый ученик.

Федоров выпустил, но потребовал, чтобы тот немедленно со всеми поздоровался. Господин Чердынцев обошелся общим взмахом руки, сообщив, что рад всех видеть после стольких лет. Никто из гостей не выразил желания заключить его в объятия или броситься на шею. Появление его не добавило радости встрече, если не сказать, что он был встречен и вовсе враждебно. Быть может, его костюм выделялся особым столичным шиком и отвечал последним требованиям моды. Даже чиновник Марков отметил цену материала и качество кроя.

– Сколько же тебя не было, Дмитрий? – утирая слезы, спросил Федоров. – Пять лет? Шесть? Или все семь?

– Годы летят незаметно, а все не меняетесь, во всем блеске, учитель! – ответил Чердынцев и потрепал старика по руке.

– По-прежнему мудр и скромен! Где же ты служишь? Чего добился? Мы в нетерпении!

Господин Чердынцев сообщил, что имеет честь служить в Государственном банке под началом самого Плеске. Федоров обвел гостей столь победным взглядом, словно учеником его был сам Наполеон.

– Сколько у тебя под началом чиновников?

– Не стоит моя персона столько внимания, Иван Федорович. Тем более у вас посторонние.

Хозяин опомнился, что не представил великого ученого и его ассистента, и даже пожертвовал наполненную рюмку. Любимов руки не протянул и ограничился кивком. По Ванзарову он только скользнул взглядом, большего не счел нужным.

Не преминув осушить живительную влагу, Федоров вернулся на трибуну, которой в этот раз ему послужил вытертый ковер.

– Ну, вот, теперь мы все в сборе! Как говорится, куда бы нас ни бросила судьбина, мы все равно возвращаемся к учителю, который оставил столько сердца в каждом из вас! – Иван Федорович мучился носом и слезами, а неприятности смахнул рукавом халата, слегка забрызгав господина Таккеля, оказавшегося поблизости. Впрочем, такие шалости никого не удивили. Их не заметили вовсе. – Сегодня я хотел рассказать вам, милые ученики, поведать и поделиться, так сказать, результатами своих научных изысканий. Я приготовил небольшой доклад на эту тему. Но, милые мои, я не буду его зачитывать. И знаете, почему? Среди нас находится величайший ум, которому я хочу первому преподнести все результаты, чтобы заручиться не только его мнением, но и поддержкой. Только ему я хочу показать то, чего достиг. И узнать

его авторитетное мнение. И если он одобрит, если благословит, то завтра же вечером, когда мы снова соберемся здесь, я покажу вам удивительные вещи. Надеюсь, вы простите такой каприз любимого учителя. Так что потерпите немного, ваше любопытство будет вознаграждено.

Лебедев понял, что честь эта досталась именно ему, с некоторым опозданием. Когда он стал центром всеобщего внимания. Ничего хорошего взгляды любимых учеников не сулили. Кажется, его бы с большим удовольствием разорвали на мелкие части. Аполлон Григорьевич чуть отступил за спину Ванзарова.

– Итак, решено! – провозгласил Федоров. – Завтра утром я ознакомлю господина Лебедева с результатами экспериментов, а уже вечером представлю их на всеобщее обозрение! – И он захлопал. Только господин Чердынцев поддержал его ленивыми хлопками. – И если все сложится удачно, обещаю вам, что этот день вы не забудете! Наша жизнь изменится навсегда. Что наша жизнь сейчас? Это бесконечная погоня за деньгами. Деньги, деньги, деньги, деньги, только и слышишь. Их надо зарабатывать, их надо копить, их надо приумножать. Какая пошлость! Деньги никого не сделали счастливее. От них все беды. Но если это так, если все беды оттого, что у кого-то денег много, а кому-то не хватает, то всеобщее счастье может быть достигнуто, если денег у всех будет вдоволь. Их будет сколько угодно. Ради них не надо тратить жизнь, а только брать, сколько хочешь или потребуется. Разве это не прекрасная идея?

– Это вы коммунизм проповедуете, Иван Федорович, – сказал Чердынцев, приятно улыбувшись.

– Перестань, Дмитрий, Маркс тут ни при чем. Я же говорю именно о деньгах, и только о деньгах. Что нужно, чтобы денег было вдоволь?

Отвечать никто не спешил. Все чего-то ждали. Интерес подогрелся основательно.

– Чтобы денег было вдоволь, надо иметь свой печатный станок, – за всех ответил Чердынцев. – Печатай сколько хочешь.

Федоров отечески погрозил ему пальцем, как за неверный ответ у доски.

– Нет, Дмитрий, печатный станок дело государства. Наше дело... А впрочем, подождем до завтра. Куда нам спешить! У нас впереди вечность! Кони мчатся, вьюга плачет, вихри снежные крутя! Друзья мои, довольно о скучном, будем пить и веселиться! Шампанского! Будем читать стихи, требую Пушкина! Немедленно! И все такое...

Ивана Федоровича развезло стремительно и окончательно. Нарышкин успел подхватить его и водрузил на корявый стул. Речь его стала чрезвычайно сумбурной, понять, о чем он говорит, было невозможно, по лицу текло, и весь он растекся огромной медузой, жидкой и скользкой.

Барышня Нольде резко встала и, ни с кем не прощаясь, вышла. За ней молча последовал ротмистр Егoviцын. Про Федорова сразу же забыли.

Нарышкин отер ему лицо мокрым полотенцем.

– Господа, прошу извинить, Ивану Федоровичу нездоровится... Вечер окончен... Благодарю вас...

Уговаривать никого не пришлось. Дом быстро опустел. Любимые ученики расходились, не глядя друг на друга и не желая доброго вечера, словно расставались лютыми врагами. Чердынцев хотел задержаться, но Нарышкин отказался от его помощи.

Лебедев тоже хотел предложить свои услуги, но Ванзаров попросил не вмешиваться, а тихонько уйти. Оказавшись во дворе, Аполлон Григорьевич тяжело вздохнул.

– Давно я так не веселился.

– Незабываемый вечер, не так ли?

– Да уж, не скоро его забуду... – ответил Лебедев, доставая походную фляжку. – Присоединитесь?

Ванзаров с благодарностью отказался. Лебедев сделал глоток и засопел.

– Что ж, еще раз мои извинения. Позвольте хоть на вокзал проводить, еще успеете на последний поезд.

– Пройдемся пешком. Ночь белая, теплая, майская. Царское Село. Сплошная романтика. Вы не против?

В этот незабываемый вечер Лебедев был готов на все, что угодно. Завинтив флягу, он предоставил себя целиком в распоряжение Ванзарова.

12

Царское Село погрузилось в вечернюю дремоту. На улицах было пустынно и тихо, даже городских не видать. Пролетки не беспокоили тархтением колес, собаки уgomонились, не слышно было пьяных песен у трактиров, не трезвонила конка, которой и не было вовсе, ничто не смущало нерушимый покой. Белой ночью резиденция императора обратилась тишайшим провинциальным городком, в котором если и случается происшествие, то разве забавное или глупейшее. Но никак не преступное или злодейское. Нельзя было и подумать о столь неприятных историях в час полного умиротворения.

Две фигуры неторопливо двигались по Волконской мимо казарм с одной стороны и Большого пруда с другой. Ванзаров не выбирал дороги, а всего лишь направился кратчайшим путем к вокзалу.

– Аполлон Григорьевич, насколько хорошо вы знаете господина Федорова? – наконец спросил он.

– Лет пятнадцать, наверное. Познакомились, когда я еще бывал в университете.

– Он знает, что вы имеете отношение к Департаменту полиции?

Вопрос ставил под сомнение безграничную славу великого криминалиста, но Лебедев предпочел этого не заметить.

– Особо не скрывал. Сейчас трудно вспомнить. Да мы и встречались не так часто.

– Постарайтесь вспомнить: сколько именно?

Постаравшись изо всех сил, Лебедев вспомнил от силы три-четыре встречи.

– Иными словами, вы встречались примерно раз в пять лет, – сказал Ванзаров. – Трудно назвать это тесным общением ученых. Полагаю, писал он вам не чаще раза в год, когда приглашал на искрометные вечеринки.

– Не понимаю, к чему вы клоните, – ответил Лебедев несколько раздраженно.

– Его восторги вашими талантами ученого не имеют под собой никакой почвы. Он никогда не интересовался вашими работами, при этом уверен, что вы великий ученый. В чем я с ним полностью согласен. Отсюда мы делаем два вывода...

Аполлон Григорьевич, кажется, не горел желанием познакомиться ни с одним из них, но все же выдавил:

– И что же это за выводы?

– Во-первых, господин Федоров прекрасно осведомлен, чем вы занимаетесь. Именно потому и не сообщил любимым ученикам, в какой именно науке вы непрекаемый авторитет.

– А второй?

– Он не так глуп, как хочет показаться. Простите, я неверно выразился: господин Федоров далеко не так прост и наивен, как хочет выглядеть.

– С чего вы взяли? – спросил Лебедев, несогласный с таким выводом. – Сколько его помню, он всегда был со странностями.

– Могу судить только о том, что вижу: бурные излияния учительской любви, по-моему, выглядели откровенной издевкой над так называемыми любимыми учениками. Господин Федоров откровенно куражился над достойными господами, а они и пикнуть не смели. Вам не кажется это чрезвычайно странным?

– В пьяной истерике ищите глубокий смысл?

– Нас не должна смущать водка...

– Водка нас никогда не смущала, – согласился Лебедев. – Не желаете глоток из походной фляжки?

– Я имею в виду, что ему требовался стимул для такого спектакля, – продолжил Ванзаров. – Зрителям не полагалось знать, что среди гостей сотрудник Департамента полиции с ассистентом.

– Эх вас задело, коллега!

– Скажите, Аполлон Григорьевич, Федоров раньше показывал вам свои опыты? Спрашивал ваше мнение о них?

– Как-то раз завел в лабораторию, что помещается у него сразу за гостиной, плавильную печь, от которой труба торчит, не без гордости показал...

– Для вас приглашение на утренний эксперимент было полной неожиданностью?

– Полнейшей, – подтвердил Лебедев.

– Теперь понимаете, в чем дело? – спросил Ванзаров.

– Куда уж нам...

– Федоров написал вам приглашение, от которого невозможно отказаться. Вас бы любопытство заело, если бы не поехали. Но ему нужно было, чтобы вы не только приехали, но и увидели его учеников. Их он наверняка заманил не менее фантастическими письмами. Чтобы задержать вас на следующий день, когда можно поговорить с глазу на глаз, Федоров сообщил об опыте, который вы должны оценить.

– Мне кажется, вы перебарщиваете, коллега, – сказал Лебедев. – Для чего такие сложности старому пьянице?

– Только одна причина: он боится.

– Чего?!

– За свою жизнь. Он решил, что раз вы служите в Департаменте полиции, то, само собой, ловите злодеев. Те, кого он боится, были вам представлены. Случись что – вам же легче будет отыскать преступника.

– Для этого у меня ассистент имеется! – не без удовольствия заметил Лебедев. – Смышленный мальчонка. Только порой вредным бывает чрезвычайно.

Благодарность Ванзаров отложил на потом.

– Остается главный вопрос: почему Федоров испугался за свою жизнь, – продолжал он. – Что ему терять? Получил наследство?

– Какое там наследство! – Аполлон Григорьевич даже фыркнул. – Сколько его знаю, гол как сокол.

– Тогда это действительно вопрос.

– Ушам не верю! Неужели у вас нет никакого завалящего предположения? Светоч логики погас?! Какая досада... Позвольте, я закурую...

Ванзаров напомнил, что они в Царском Селе и воздух здесь надо беречь от сигарок.

– Предположение настолько смутное, что оглашать преждевременно... – сказал он. – Вы знаете кого-нибудь из гостей?

– Впервые вижу! И, надеюсь, в последний раз, – ответил Лебедев. – Неприятные личности. Мрачные, молчаливые, злые. Как стая ворон над трупом... Ой! – Аполлон Григорьевич схватился за рот, но было поздно. Слова уже вылетели.

– Вы тоже это отметили, – сказал Ванзаров. – Выходит, не зря господин Федоров дурочку валял.

До вокзала оказалось куда ближе пешком, чем на пролетке. На привокзальной площади было пусто, поездов из столицы до утра не будет, делать здесь извозчикам было нечего. На перроне было безлюдно. Последний поезд уже подали. В вагонах второго класса сидели одинокие пассажиры, паровозик недовольно фыркал паром. Ванзаров остановился напротив вагонной двери и молча рассматривал носки ботинок. Лебедев не лез к нему с разговорами, зная, что в этот момент совершается труд не меньше, чем у паровозного котла. И хотя он подтрунивал над логикой своего друга, но результаты ее признавал безоговорочно. Дали третий свисток. По

перрону прошел щуплый юноша и запрыгнул в вагон третьего класса. Ванзаров проследил за ним взглядом.

– Кажется, господин Нарышкин в столицу собрался, – сказал он.

Лебедев стал оглядываться по сторонам, но никого не заметил.

– А кто это?

– Помощник Федорова...

Аполлон Григорьевич пожелал ему провалиться как можно глубже, потому что сейчас его беспокоил совершенно другой вопрос.

– Послушайте, коллега, вот вы сейчас уедете, а мне что прикажете делать? – сердито спросил он. – Как я без ассистента смогу выручить Федорова?

– Вы правы! – Ванзаров резко повернулся и быстро пошел в вестибюль вокзала, где уже мыли пол огромными щетками, а дежурный городской, зевая во всю пасть, пристроился у билетных касс. Неготовый к столь резкому обороту, Лебедев замешкался, и ему пришлось догонять. Ванзаров шагал чрезвычайно быстро. Паровозный гудок и скрежет колес известили, что последний поезд отправился без одного пассажира.

13

Счастливее службы, чем у пристава Врангеля, трудно было представить. Блюсти порядок в Царском Селе было делом легким и приятным. Главная забота – следить, чтобы полицейские силы в составе двух участковых приставов, двух околоточных надзирателей, четырех надзирателей и десятка городских выглядели подтянуто, форму имели опрятную, а сапоги начищенными. Да и дел-то у полиции не так чтобы много. Когда вытянуться в струну перед генералом, когда отдать честь проезжающей карете. За порядком во дворце следила дворцовая полиция, куда обычную не допускали. В армейских казармах делать и вовсе было нечего. Там свои законы и правила. Что же касается основных рассадников беспорядков – кварталов фабричных рабочих или трущоб, где ютится всякий сброд, – то в городе таких не имелось.

Происшествия тоже были скорее анекдотические. То бешеная кошка накинется на мирную даму и покусает, то пролетка задавит гуся. Обычно пристав проводил в служебном кабинете строго отмеренные часы. Большую же часть дня, когда погода становилась хорошей, посвящал досмотру улиц, то есть неторопливым прогулкам, визитам в лавки, где не отказывался от угощения, и болтовне с обывателями. От такого распорядка фигура пристава обрела симпатично округлый силуэт, щеки были румяны и лоснились здоровьем, нагулянным на свежем воздухе. Режим дня, чистый воздух и спокойный образ жизни даже из пристава могут сделать милейшего человека.

Закончив вечерний моцион, Врангель пригласил отужинать своего помощника Скабичевского. Они поднялись в квартиру пристава, которая, по обычаю, находилась над полицейским участком. Врангель снял португую, расстегнул ворот кителя и предложил Скабичевскому не стесняться, все свои.

Пристав уже примеривался к графинчику сладкой настойки и рыбной закуске, приготовленной заботами его жены, как вдруг снизу раздался нетерпеливый звон дверного колокольчика. Беспокоить полицию в такой час было в высшей степени неприлично. И прямо сказать, недопустимо. Пристав поморщился и крикнул кухарке глянуть, кого там принесло, но сказать, что до утра пускать не велено.

Пристав не успел еще и вилки взять, не то чтобы рюмочку пропустить, как в столовую ворвался какой-то господин. Был он молод, разгорячен и вид имел настолько решительный, что аппетит сразу пропал. Врангель наисуровейшим образом нахмурился и, как и полагается приставу, грозно хмыкнул. Врываться в полицию и вести себя подобным образом у них в городе не принято. Здесь вам не Петербург с его вечной спешкой.

– Что такое? – спросил пристав, оглядывая незваного гостя с ног до головы. С первого взгляда он ему не понравился: слишком юн, телом крепок и вообще напор во взгляде. От таких субъектов жди беды. Скабичевский скромно помалкивал.

Предчувствие не обмануло. Молодой человек представился чиновником особых поручений от сыскной полиции. От этих регалий сердце пристава неприятно сжалось, и он вдруг подумал, что покою пришел конец. Такие молодчики несут с собой только одни неприятности. Все же визит сыскной полиции обязывал. Да и фамилию эту пристав слышал, были разговоры о новом таланте, появившемся в Департаменте полиции. Кажется, Скабичевский ему и рассказывал. Врангель сообщил, насколько польщен визитом, и пригласил за стол разделить ужин. Где двое, там и третий. Скабичевский безропотно сдвинулся со стулом и тарелкой, освобождая место.

– Не лучшее время ужинать, господа, требуются срочные меры.

«Вот оно, началось», – сказала сердце Врангеля и опять тревожно сжалось. Однако пристав виду не показал, обменялся с помощником понимающим взглядом и вообще проявил себя с самой любезной стороны.

– Зачем так спешить, милейший Родион Георгиевич, – сказал он. – Присаживайтесь, наконец объясните, что у вас стряслось. Вместе подумаем, как помочь вашему горю. И господин Скабичевский нам поможет.

Помощник выразил горячую готовность.

– У меня ничего не случилось, – сказал Ванзаров, довольно развязно усаживаясь на стуле, да еще и закидывая ногу на ногу. – А вот у вас может.

– У нас не полагается ничему случаться. Тут резиденция сами знаете чья...

– Вынужден огорчить: имеется веское предположение, что готовится преступление.

– Преступление? – проговорил пристав так, будто на полицейской службе такое слово и произносить не полагается. – Да как же... Какое преступление?

– Одному из жителей вашего города угрожает опасность.

– Заболел, что ли?

Подобная чудовищная наивность прощалась по причине безмятежной жизни Царского Села. Спокойствие разжижает полицейские мозги.

– Одного из ваших обывателей собираются убить, – выразился Ванзаров напрямик, чем окончательно вогнал пристава в оторопь.

С немым вопросом Врангель обратился за помощью к Скабичевскому. Но тот понимал не больше его.

– Убить? Вы сказали, убить? – переспросил пристав.

– Способ убийства, а также лицо, которое совершит преступление, мне неизвестны. Но его можно предотвратить. И спасти жизнь человека.

– А-а-а? – Кажется, пристав пребывал в полной прострации. Скабичевский выглядел не лучше.

– Господин пристав, Анатолий Андреевич, очнитесь. Я сожалею, что испортил вам ужин, но дорога каждая минута. К сожалению, мы не в столице, и я не могу отдавать приказы вашим подчиненным.

В глазах Врангеля мелькнуло что-то осмысленное.

– Кого будут убивать? – спросил он, невольно вздрогнув.

– Отставного учителя Николаевской царскосельской гимназии, господина Федорова.

Напряженная работа мысли оказалась бесполезной. Пристав с помощником и вместе не смогли вспомнить это имя.

– А кто это? – только и спросил Врангель.

– Мирный обыватель, проживает в доме на Гатчинской дороге, известном среди извозчиков как «дом-с-трубой», хотя на самом деле их две.

– Ах, этот...

Пристава будто заставили съесть лимон – целый и без водки. Скабичевский же позволил себе презрительный смешок.

– Об этом субъекте вам не стоит беспокоиться, милейший Родион Георгиевич...

– Если господин Федоров страдает слабостью выпивать и живет как в хлеву, это не значит, что ему не нужна защита, – сказал Ванзаров.

– За что же его хотят убить?

– Причин я бы не стал касаться, они пока находятся в области предположений...

За эту соломинку следовало схватиться. Что пристав и проделал.

– Вот видите, только предположения! Не стоит волноваться, в нашем городе убийц нет. Не правда ли, господин Скабичевский? Вот видите, и Николай Семенович со мной согласен. Давайте лучше ужинать... – Широким жестом он пригласил к закускам.

Убеждать дальше – только тратить время. Оставалась последняя попытка.

– Господин пристав... – Ванзаров встал, чтобы слова его звучали как гром с неба. – Официально прошу вас выделить охрану для дома господина Федорова.

– Охрану? Какую охрану? – Приставу было уютно и легко изображать глупость.

– Хотя бы городских.

– Сколько желаете?

– Нужно четыре. Дадите двух – буду благодарен...

Врангель покивал. А Скабичевский внимательно изучал пустую тарелку.

– Значит, четырех городских вам вынь да положь... – сказал пристав, заталкивая салфетку за воротник. – Только вот какая незадача: нет у меня свободных людей. Кто на ночном дежурстве, кто в караулке отдыхает. Не так ли, Николай Семенович? Вот видите, и господин Скабичевский того же мнения. Рады бы помочь сыскной полиции нашей любимой столицы, от всей души рады, да вот нечем. Не побрезгуйте ужином, господин Ванзаров, у меня чудесно стерлядку готовят...

– Благодарю вас, господин пристав, и вас господин помощник. Желаю вам самого приятного из возможных appetitов.

Пристав покосился вслед исчезнувшему гостю и остался крайне доволен собой: эдак ловко отшил столичного гостя. А то вздумали беспокоить полицию по пустякам. Тут вам не Петербург, тут порядок и благодать.

Скабичевский разлил настойку, они чокнулись и с большим аппетитом принялись за ужин, чинно обсуждая мелкие новости отлетевшего дня.

14

Предложение было столь заманчивым, что Аполлон Григорьевич не знал, что и ответить. За свою богатую практику эксперта-криминалиста он повидал всякого и освоил несколько профессий. С ним всегда был походный чемоданчик, из которого появлялись самые необходимые предметы. При помощи них можно было на месте определить самые простые яды, извлечь пулю, выковырять мелкую улику и сохранить ее до лаборатории. Также имелся набор медицинских средств, при помощи которых можно было вернуть к жизни не вполне мертвое тело или оказать первую помощь, когда она необходима, а доктора ждать неизвестно сколько. Насморк или простуду Лебедев бы не вылечил, а вот из врачебно-хирургической практики умел многое и лучше врачей знал, что делать в экстренных ситуациях. Копаясь в человеческих телах, он неплохо изучил на мертвом материале, как спасать жизнь. При случае он умел делать полицейские фотографии, завел в России антропометрический кабинет, в котором составлялась картотека преступников по методу Бертильона, или бертильонаж. Время от времени занимался реставрацией старинных манускриптов и, случалось, проводил часы за изучением насекомых, не хуже настоящего биолога. Только вот заниматься слежкой и быть филером ему не приходилось. Но отказаться сразу было нельзя.

– Как вы себе это представляете? – спросил он.

Ванзаров объяснил, что наблюдение за домом вести довольно просто. Вокруг много кустов и деревьев, поэтому можно оставаться незаметным. Задача не столько в том, чтобы поймать, сколько дожидаться утра и вызвать подмогу из столицы. Завтра он пригонит отряд филеров Афанасия Курочкина. Сегодня же надо подстраховаться. Аргументы были веские, но Лебедеву даже страшно было представить провести ночь без сна и в чистом поле. И он постарался призвать на помощь логику.

– А с чего вы взяли, что Федорова постараются убить сегодня? Где хоть один факт, на это указывающий.

– Федоров при всех объявил, что завтра утром покажет вам нечто важное, – ответил Ванзаров. – Насколько я понимаю, это должно вызвать беспокойство. Кто-то может постараться вас опередить.

– Допустим, Иван Федорович покажет мне какой-то дурацкий опыт. Зачем же его убивать ночью? Именно этой?

Ванзарову пришлось собрать все скудные запасы терпения, какие еще остались.

– Скорее всего, Федоров не собирается ничего показывать, он хочет сообщить вам какие-то важные сведения. Кто-то из «любимых учеников» может посчитать, что это помешает его планам. И поймет, что у него только один шанс не дать Федорову разболтать какой-то секрет. Когда это можно сделать? Только сегодня ночью.

– И что же это за секрет? – спросил Лебедев.

– Ясно и точно нам он неизвестен. Но от этого не становится менее опасным для Федорова. Пожалуйста, Аполлон Григорьевич, не будем тратить время на разговоры...

– Да что с ним случится – с пьяным ночью в своем доме?! Проспится и утром будет как новенький...

– Федоров в доме один, в состоянии, в каком его оставили, он беззащитен. Даже помощник его Нарышкин укатил в столицу. Пойдемте...

Логика ускользала из пальцев хуже мокрого скальпеля. Не удалось ее правильно ухватить. Аргументы кончились, а мерзнуть всю ночь непонятно за какие коврижки было выше сил. Да и что за развлечение сорокалетнему старику играть в филера! Но отказаться было мучительно трудно. Лебедев крякнул, хмыкнул, прокашлялся и все равно не смог выдать из себя отказ.

На его счастье, Ванзаров умел наблюдать за людьми и верно понимать их сигналы. Пусть даже самыми близкими и надежными.

– А знаете, у меня появилась отличная мысль, – сказал он. – Вдвоем мы точно только испортим дело, чего доброго, упустим преступника. Одному как-то сподручнее. Сделаем так: вы сейчас отправляйтесь спать... Здесь есть какая-нибудь гостиница?

– У меня тут приятель недалеко живет, – ответил Лебедев, разрываясь между облегчением и стыдом. – Горенко Андрей Антонович из Департамента гражданской отчетности Госконтроля. Славный человек, дочка у него милая, Анечка, не знакомы? У него дом свой. Дом необычный: еще до чугунок² там был знатнейший кабак... А теперь вот Андрей Антонович с семьей обитают. И вам место найдется...

– Вот и отлично... – Ванзаров протянул руку. – Значит, утром пораньше встречаемся у дома-с-трубой. Отдыхайте, Аполлон Григорьевич, завтра силы могут понадобиться...

– А как же вы? Неужели всю ночь кругами ходить будете? – ужаснулся Лебедев, понимая, как жалко и нелепо это выглядит. Особенно в глазах друга. – Пожалейте себя, не двуличный же...

– Ерунда! – развеселился Ванзаров. – Ночная прогулка – что может быть лучше!

– У вас даже оружия нет!

– Со мной руки и голова, а это страшнее любого револьвера.

Лебедеву хотелось добавить еще что-то ободряющее, чтобы не так мерзко было на душе, но у него ничего не придумалось. Сказалось частое общение с трупами. Ванзаров помахал, как ни в чем не бывало, и отправился в белую мглу ночи.

² Первая ветка железной дороги в России от Петербурга до Царского Села.

15

Управляющий Государственным банком вошел в свой кабинет, как обычно, ровно в девять утра. В этот час ненавистная ему Садовая уже шумела во всю мочь. Лавки открывались засветло, лоточники торговали тем, что напекли за ночь. И не было всем этим горластым субъектам дела до того, что у господина Плеске болит голова и встал он не с той ноги. Видя настроение шефа, секретарь счел за лучшее исчезнуть молча, не утруждая докладом. Тем более утренняя почта уже лежала на рабочем столе.

Плеске отбросил свежие газеты и под ними обнаружил конверт без почтового штампа, зато подписанный на его имя «в собственные руки». Этого послания он ждал с нетерпением и даже раздумывал о нем бессонной ночью. Не столько о самом послании, сколько о последствиях, какие могут произойти или не произойти, в зависимости от развития ситуации, что сейчас складывалась в Царском Селе. Радовало, что Чердынцев так исполнительен, что уже прислал первый отчет.

Сообщение было написано аккуратно, чисто, без помарок. Сразу видно, что молодой чиновник специально выбрал место, чтобы подготовить его наилучшим образом. Оценив внешний вид документа, на который он всегда обращал внимание и требовал аккуратности от подчиненных, Плеске ознакомился с содержанием.

Чердынцев писал:

«Его Высокопревосходительству, тайному советнику господину Плеске.

Милостивый государь Эдуард Дмитриевич!

Настоящим имею честь сообщить о происшедшем в последние сутки в связи с известным Вам делом. Вечером мая 6-го числа сего года я прибыл в дом господина Ф. Кроме меня, в доме находилось еще несколько случайных гостей из местных жителей, мне незнакомых. Как оказалось, в этот вечер господин Ф. давал прием, на котором намеревался прочесть лекцию о каких-то научных открытиях последнего времени. Мои попытки навести его на нужный разговор привели к тому, что он пообещал все рассказать и показать мне приватным образом в самое ближайшее время. В дальнейшем прием протекал без каких-либо событий. Позволю себе опустить подробности, не имеющие касательства к цели моего поручения. Под конец вечера я еще раз переговорил с господином Ф. о нашем деле, и он заверил меня, что, безусловно, не станет ничего скрывать от меня, как от любимого ученика. Насколько могу судить, господин Ф. не распространял информацию, и пока еще никто не в курсе. Что является, несомненно, положительным фактом. Также хочу отметить присутствие в гостях у господина Ф. какого-то ученого из Петербурга по фамилии Лебедев и его ассистента Ванзарова. Господин Ф. назначил господину Лебедеву на мая 7-го числа частный визит прямо с утра. О целях визита господина Лебедева достоверных сведений не имею. В случае Ваших дополнительных распоряжений телеграммы направлять на адрес моих родителей в дом Чердынцева на Оранжевой улице.

Остаюсь вашим преданным слугой

Коллежский секретарь Д. Чердынцев».

Письмо было совершенно в стиле докладов подающего надежды чиновника: гладкое, точное и совершенно безобидное, если попадет в чужие руки. И все-таки было в нем что-то такое, что заставило Плеске перечитать его еще раз. Какая-то деталь, которая не сразу бросилась в глаза, но заставляла тонкий аналитический ум подать сигнал. Он внимательно и медленно прошелся по тексту и нашел то, на что сразу не обратил внимания. Чердынцев не упомянул фамилий гостей, кроме двух. Как нарочно сосредоточив на них внимание, поместив в конце письма. Быть может, он что-то хочет сказать?

В фамилии «Лебедев» слышалось что-то смутно знакомое, вот только Плеске не мог вспомнить, в связи с чем. Чтобы выудить из памяти затерянный фрагмент, у него имелся простой и проверенный способ: гулять по кабинету, стараясь уловить тонкие связи. Способ был не быстрый, но надежный. Плеске вышел из-за стола и начал прохаживаться мимо окон ненавистой Садовой, стараясь углубиться в себя и не замечать шума. В этот раз память не стала капризничать, а сдалась довольно быстро. Следовало достать справочник Департамента полиции. Среди сотрудников нашелся коллежский советник Лебедев, заведующий антропометрическим кабинетом и криминалистической лабораторией. Ну, конечно! Этого господина он встречал на приеме по случаю вручения высочайших наград. Как раз на Рождество девяносто четвертого года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.